М. ИСАКОВСКИЙ

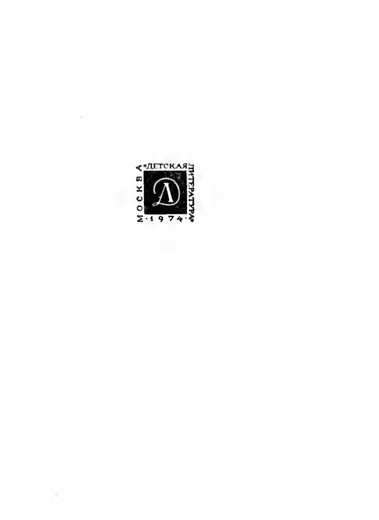

ЛИРИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА
ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
Д
·1974·

М. Исаковский

М. ИСАКОВСКИЙ

Лирика

Р 2
И 85

Рисунки
А. Парамонова

И $\frac{70803-223}{М 101 (03)-74}$ 360—73

ПОДПАСКИ

Рассекая тишь хлыстом,
В тень ушли подпаски.
Свежий ветер из кустов
Говорил им сказки.

Солнце сыпало овес
Из горячей печи.
Клял жару лохматый пес
На своем наречье.

Все коровы через луг —
В лес поодиночке.
Утомился дед-пастух
И заснул на кочке.

Уж давно сошла роса,
Торопиться надо.
— Протирай-ка, дед, глаза
Да погоним стадо!

Ждут в деревне молока
Свежего к обеду...—
И подпаски в два прыжка
Подскочили к деду.

Ванька вмиг трубу схватил,
Сжал губами туго;
Звонкий, радостный мотив
Забурлил над лугом.

В такт Алешка бил кнутом,
Надрывая глотку:
— Эй, гражданки, из кустов
Выходи на сходку!

Лес, оторванный от сна,
Эхом взвыл протяжно.
На поверку, как одна,
Шли коровы важно.

Дед смеется: — Ей-же-ей!
Музыка что надо.
Хорошо, Ванюша, к ней
Приучил ты стадо.

Заиграешь — враз придет
Из лесу буренка:
Ведь коровы, что народ,
Понимают тонко.

*

Солнце сыпало овес...
По дороге, рядом,
Шли подпаски, дед и пес
Со своим отрядом.

1924

ХУТОРА

Проплывали дни и вечера
Без больших забот и без тревоги.
Было в общем сорок три двора
По обеим сторонам дороги.

Жили вместе. Было все с руки.
Только вдруг — скандал из-за покоса.
И тогда решили мужики
Каждый двор поставить на колеса.

Был поселок — сорок три двора;
А теперь — такая перемена! —
На полях застыли хутора,
Как стога невывезенного сена.

Кто куда — рассыпались они
В полевом мужицком океане.
Редкие неясные огни
В одиночку светятся в тумане.

Здесь и плачь и радуйся один,
Что ни делай — сам себе вояка...
Здесь у каждого земли свой клин
И своя сердитая собака.

«Дескать, нас не беспокой, не тронь,—
Нам плевать на суету мирскую...»
Отчего ж вечерняя гармонь
О широкой улице тоскует?

Отчего ж, когда падет роса
И закат раскинется над лугом,
Звонко молодые голоса
Созывают в тишине друг друга?

И спешат из темного угла,
Из глухой и одинокой хаты,
В те места, где улица была,
Где поселок высился когда-то.

И я знаю, что придет пора,
И ее я праздником отмечу:
Снимутся с причалов хутора
И друг другу полетят навстречу.

1925

ВДОЛЬ ДЕРЕВНИ

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда;

Нам такое не встречалось и во сне,
Чтобы солнце загоралось на сосне,

Чтобы радость подружилась с мужиком,
Чтоб у каждого — звезда под потолком.

Небо льется, ветер бьется все больней,
А в деревне — частоколы из огней,

А в деревне и веселье и краса,
И завидуют деревне небеса.

Вдоль деревни, от избы и до избы,
Зашагали торопливые столбы;

Загудели, заиграли провода,—
Мы такого не видали никогда.

1925

РАДИОМОСТ

Каждый день суров и осторожен,
Словно нищий у чужих ворот...
Был наш край от мира отгорожен
Сумрачным безмолвием болот.

Эта глушь с тоскою неразлучна:
Ветер спал на старом ветряке,
Падал дождь, и было очень скучно,
И дремали мысли в тупике.

Но взметнулись, вспыхнули зарницы,—
Чрез болота, пашни и кусты
К деревням и селам из столицы
Протянулись радиомосты.

И в углу прокуренном Нардома,
Сбросив груз соломенной тоски,
Вечером доклад из Совнаркома
Слушали, столпившись, мужики.

Грудь полна восторженного гула,
Но кругом — такая тишина,
Будто всех внезапно захлестнула
Голубая радиоволна.

А когда невидимые скрипки
Зазвенели струнами вдали,
Теплые широкие улыбки
На корявых лицах зацвели.

Этот день никто не позабудет,
Этот день деревню поднял ввысь.
И впервые неохотно люди
По своим избушкам разбрелись.

1925

МАТЕРИ

Не думай, мать, об убежавшем сыне,—
Я лучших дней у жизни не прошу.
Всегда, всегда к Октябрьской годовщине
Я благодарные стихи пишу.

Пишу про те скрипучие полати,
Где по ночам ворочалась нужда.
Пишу о том, что к нашей низкой хате
Плывут огни по медным проводам;

Пишу о том, как межи нас душили,
Как ставил голод серые кресты,
И что теперь в поля идут машины,
И что хлеба высо́ки и густы.

Родная мать, молящаяся небу!
Родная мать, покорная судьбе!
Скажи, не ты ль приклеивала хлебом
Портреты Ленина в своей избе?

И вечерами, примостившись к свету,
Не ты ль стыдливо просишь у снохи
Прочесть тебе ту самую газету,
В которой сын печатает стихи?

И если б старость утопить в пучине,
Ты побежала бы за мною вслед.
Вот почему к Октябрьской годовщине
Я каждый раз пишу тебе привет.

1925

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА»

(Деревенская быль)

У нас в районе и сейчас
Живет и будет жить вовеки
Простой, бесхитростный рассказ
О справедливом человеке.

Его припомнит вам любой,
Расскажет тихими словами,
И Ленин — близкий и родной —
Как будто сядет рядом с вами.

1

В тот боевой и славный год,
За тыщи долгих лет впервые,
И власть, и землю брал народ,
И счастье в руки трудовые.

А здесь, в глухом селе Ключи,
Лишь с кривдой были мы знакомы,
А здесь творили богачи
Свои особые законы.

У них во всем — своя рука,
Они везде найдут основу.
И сельсовет у бедняка
Забрал последнюю корову.

Остался двор совсем пустой,—
Один петух стоит на страже...
Хозяин ходит сам не свой,—
Куда пойдешь, кому расскажешь?

Его и слушать не хотят:
Мол, хватит нам с тобой возиться...
Да тут в село один солдат
Пришел с передовых позиций.

— Я,— говорит он,— научу,
Где правду отыскать людскую.
Ты,— говорит он,— Ильичу
Пиши записку докладную.

Пиши подробно: так и так,
Мол, все пошло бы в лучшем виде,

Да власть у нас забрал кулак,
И мужики в большой обиде.

Товарищ Ленин разберет
И в долгий ящик не положит.
Горой стоит он за народ
И мужику всегда поможет.

Он — человек такой души,
Какой не сыщешь в целом свете.
Ты только сядь да напиши,
А он уж знает, что ответить.

А если сам ты не горазд,
Пера не брал, быть может, в руки,
Так я тебе составлю враз,
Как полагается в науке.

Недаром я на свете жил,
Понятна мне твоя кручина...—
Солдат писал, мужик светил
Сухой березовой лучиной.

Он так и так возился с ней
И повторял все ту же фразу:
— Ты не мельчи... Пиши крупней,
Чтоб Ленин все увидел сразу...

2

Заглянет вечером сосед,
Поговорит про то, про это
И спросит вдруг: — Ну, как ответ?
Да и не зря ль ты ждешь ответа?

Не выйдет, видно, ничего,—
Поторопился ты некстати:
Без нас с тобою у него
Про каждый день заботы хватит...

А богачи, срывая злость,
Заводят речь при всем народе:
— Смотри, запеть бы не пришлось,
Как солнце всходит и заходит.

Товарищ Ленин — главный вождь,
За всю державу отвечает,
А ты с коровой пристаешь,
А что корова означает?

И сердце падает опять,
Опять сомненье душу гложет:
Быть может, лучше б не писать,
Себя напрасно не тревожить?

Но на своем стоит солдат,
Не уступает, не сдается:
— Готов я биться об заклад,
Что молоко к тебе вернется!

Товарищ Ленин — он такой,
Что силы слабому прибавит,
А кто упал — своей рукой
Поднимет, на ноги поставит...

Но дни идут, проходят зря,
Летят вперед неудержимо,
Взойдет заря, зайдет заря,
А почта проезжает мимо...

3

Это явь или только во сне?
Все село говорит об этом:
Нарочный, в ночь, на коне
Прискакал из уезда с пакетом.

Ленин прислал приказ —
Строгий, короткий, точный:
«Корову вернуть тотчас
И донести мне срочно».

Всех виноватых — под суд,
Раз не по-честному жили.
Пусть, говорит, понесут
Все, что они заслужили.

Ходят весь день мужики,
Словно на праздник, по хатам,
Стали и ноги легки,
Стали и думы крылаты.

Те, что молчали весь век,
Сделались вдруг говорливы:
— Вот он, родной человек,
Вот он какой справедливый!

4

Так говорят у нас в селе
Про Ильича, про жизнь былую...

*

В какой стране, на чьей земле
Вы правду сыщете такую?

1925

ВСЕ ТА ЖЕ ДАЛЬ...

Все та же даль. Все та же синева.
Но болен я утратою вчерашней:
Я потерял крестьянские права
И на луга родные, и на пашни.

В какую бы ни постучался дверь,
В какой бы суд ни обратился с иском —
Везде одно: душа моя теперь
В родном селе не значится по спискам.

Мне говорил на сходке бородач:
— Тебе не быть уж больше деревенским,
Без черного труда и неудач
Ты проживешь, Васильич, и в Смоленске.

В ответ ему я тихо бросил: — Пусть!
Я знаю сам, что мне не сеять хлеба!..—
И закачалась пред глазами грусть,
Такая грусть — широкая, как небо.

И вот теперь — иду ли я межой,
Иль слушаю в лесу зеленый шелест —
Мне всюду кажется, что я чужой,
Что будто я непрошеный пришелец.

Когда же, в ночь, над городом луна
Гудит широким полевым набатом,
Меня зовет родная сторона,
Опять зовет к дымящимся закатам.

И сердце жадно ловит этот зов,
И у смоленских каменных порогов
Я слышу звон косы и дальний скрип возов
По запоздалым луговым дорогам.

В лицо мне дышит свежая трава,
И теплой песнею струится голос женский...
Я потерял крестьянские права,
Но навсегда остался деревенским.

1926

ВЕСНА

Растаял снег, луга зазеленели,
Телеги вновь грохочут по мосту,
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идет веселый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Еще зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живет и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон!..
Взлетел петух на самый гребень крыши,
Да так поет, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет теплый ветер,
И легкий пар клубится у реки,
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

1927

ВЕТЕР

Осторожно ветер
Из калитки вышел,
Постучал в окошко,
Пробежал по крыше;

Поиграл немного
Ветками черемух,
Пожурил за что-то
Воробьев знакомых

И, расправив бодро
Молодые крылья,
Полетел куда-то
Вперегонку с пылью.

1927

ПИСЬМО

У хаты сумрачная елка
Стоит и смотрит на зарю.
И пишет, пишет комсомолка
Письмо в райком —
Секретарю.

И льет заря огонь прощальный
Из-за реки и дальних нив...
«Пишу тебе
Официально
И жду
Дальнейших директив.

С работой здесь пришлось мне круто,—
Не то, что было по весне.
И я не знаю, почему-то
Тебя увидела
Во сне.

И вновь меня сомненье гложет,
Берет отчаянье и злость:
Пойми — собранье молодежи
Созвать никак не удалось.

Но не суди ты слишком строго,—
Всему виною — хутора:
Своя
Особая дорога
Почти у каждого двора.

«Нам, говорят, не нужно басен,
Нам лозунг ваш давно знаком...»
К тому же мне вопрос не ясен —
Кого считать середняком.

Какая разница и сходство —
Не понимаю, хоть заплачь.
Твое
Живое руководство
Спасло б меня от неудач.

Тебе полнтнка знакома,
А я
Могу ударить в грязь...
И вообще у нас с райкомом
Совсем слаба
Живая связь.

Вопрос большой и актуальный.
Пора бы взяться за него.
Но это все
Официально,
И ты не думай ничего...

Еще одно. Мы ставим пьеску,
Приди и сделай нам доклад.
У нас теперь по перелескам
Такой хороший листопад.

Приди! Докладчик ты отличный.
А нет —
Попробую сама...»
Но секретарь бюрократичный
Не понял женского письма.

Он надписал на нем сердито,
И больно скрипнуло перо:
«Опять с работой волокита,
Поставить срочно на бюро!»

И в папке,
Где бумаг господство,
Где протоколы держат власть,
Слегло
Живое руководство
И умерла
Живая связь.

1927

МАСТЕРА ЗЕМЛИ

В просторы, где сочные травы росли
И рожь полновесная зрела,
Пришли мастера плодоносной земли,
Чья слава повсюду гремела.

И, словно себе не поверивши вдруг,
Что счастье им в руки далося,
Смотрели на север,
Смотрели на юг
И желтые рвали колосья.

Они проверяли победу свою
Пред жаркой порой обмолота;
Они вспоминали, как в этом краю
Седое дымилось болото.

Кривыми корнями густая лоза
Сосала соленые соки,
И резали руки и лезли в глаза
Зеленые пики осоки.

И был этот край неприветлив и глух,
Как темное логово смерти,
И тысячу лет
Суеверных старух
Пугали болотные черти.

Но люди, восставшие против чертей,
Но люди, забывшие счет на заплаты,
Поставили на ноги
Жен и детей
И дали им в руки лопаты.

И там, где не всякий решался пройти,
Где вязли по ступицу дроги,
Они провели подъездные пути,
Они проложили дороги.

Глухое безмолвие каждой версты
Они покорили
Трудом терпеливым.
И врезалось поле в земные пласты
Ликующим
Желтым заливом.

Пред ними легли молодые луга,
Широкие зори встречая,
И свежего сена крутые стога —
Душистей цейлонского чая.

И в праздник, когда затихает страда
И косы блестящие не́мы,
За щедрой наградой приходят сюда
Творцы и герои поэмы.

И, словно прикованы радостным сном,
В ржаном шелестящем затоне
Стоят и любуются крупным зерном,
Лежащим на жесткой ладони.

И ветер уносит обрывки речей,
И молкнут беседы простые.
И кажется так от вечерних лучей,
Что руки у них —
Золотые.

1928

КОМАНДАРМ

При свете лампы, в тихий час иочной,
Я раскрываю на столе тетради,
В которых — как солдаты на параде —
Мои стихи стоят передо мной.

Я выстроил их здесь, когда цвели сады,
Когда метель в мои стучалась двери,
Когда, пройдя по зарослям артерий,
Они потребовали
выхода на свет;

Я выстроил их здесь, когда цвели сады,
Тянулись ветки к солнцу благодарно...

И вот смотрю на темные ряды
Тревожными глазами командарма.

Я думаю: чтоб их отправить в путь,—
Достаточно ль они
прошли свою науку?
Быть может, командир
негоден где-нибудь,
Быть может, есть работа политруку?

Сумеют ли они
в такой суровый век,
В такое трудное,
ответственное время
Пробиться в глубь больших библиотек
И покорить читательское племя?

И если нет, тогда скорбит душа,
И все ж мои решенья непреклонны:
Широким росчерком карандаша
Из строя вывожу я
целые колонны.

Я не щажу ни времени, ни сил,
Над ними проводя
часы свои ночные:
Я ставлю под перо,
я отправляю в тыл,
Я в батальоны отдаю штрафные.

Потом валюсь, усталый, на кровать
И засыпаю сразу, словно мертвый,
Чтоб завтра вновь и вновь формировать
Дивизий поэтических когорты.

И тем из них, что знают жизни ход,
Что бури переносят без тревоги,
Я говорю: отправиться вперед
И занимать печатные дороги!

1928

ПОЛИТПРОСВЕТ

Все это было так давно,
Мои товарищи родные:
Любил я горькое вино
И пел частушки озорные.

В деревне слыл смелее всех,
Мальчишка был шальной закалки
И мог разделать под орех
Любую личность в перепалке.

И жизнь моя была полна,
Не знал я горя и заботы...
И вдруг — приехала о н а
Для просветительной работы.

И, озорство мое кляня
Словами грусти и досады,
При всем народе на меня
Бросала косвенные взгляды.

Глаза — как ночь. В глазах — ни зги.
Посмотришь в них,
И нет возврата.
До восемнадцатой тоски
В нее влюблялися ребята.

И стал мне белый свет не мил,—
Куда пойду и что отвечу?
Я как потерянный бродил —
Искал нечаянную встречу.

Меня в полях встречал рассвет,
И часто снился мне ночами
Один сплошной
Политпросвет
С такими темными очами.

Цвели сады. Росли хлеба.
По вечерам дымились реки...
И с той поры
Моя судьба
Подчинена библиотеке.

И с той поры в ее окне
Встречаю теплые закаты
И по возвышенной цене
Плачу
За книги и плакаты.

И, прошлым дням наперекор,
Без сожаленья и без скуки
Веду культурный разговор
По разным отраслям науки.

Послушать замыслы мои
Ко мне идут мужик и баба...
Поют над речкой соловьи —
Поэты
Сельского масштаба.

1930

В ДОРОГЕ

День такой, что любо-дорого,—
Весь, как чистое стекло...
Я со станции, со скорого,
Не спеша иду в село.

Вижу вновь свои исконные,
С детства милые края,
Снова низкими поклонами
Рожь приветствует меня.

А во ржи дорога стелется,
Только знай себе иди.
Очень ветреная мельница
Показалась впереди.

Все такая ж, та же самая,
Как и десять лет назад.
— Здравствуй, ветреница старая!
И тебя я видеть рад;

И тебя, деревня Ключики,
И ракиты над ручьем...—
Говорят со мной попутчики
О житье-бытье своем:

— Нынче ждем богатой осени,
Будет хлеб наверняка:
Одолели, приколхозили
Злую долю бедняка...

План придумали недурственный,
Отвалили добрый пласт,—
Эта самая индустрия
Не забыла и про нас.

Вон — смотри — пошла охватывать,
Эта — нет, не подведет...—
И с флажком на радиаторе
Трактор двинулся вперед.

Воробьи взметнулись стайкою
И рассыпались вдали.
Над широкою лужайкою
Вьются пчелы и шмели.

И, глубокие, бездонные,
Так и пышут синевой
Небеса разоблаченные
Над моею головой.

А дорога расстилается,
И шумит густая рожь,
И, куда тебе желается,
Обязательно дойдешь.

1930

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Ваня, Ваня! За что на меня ты в обиде?
Почему мне ни писем, ни карточки нет?
Я совсем стосковалась и в письменном виде
Посылаю тебе нерушимый привет.

Ты уехал, и мне ничего не известно,
Хоть и лето прошло и зима...
Впрочем, нынче я стала такою ликбезной,
Что могу написать и сама.

Ты бы мог на успехи мои подивиться,
Я теперь — не слепая и глупая тварь:
Понимаешь, на самой последней странице
Я читаю научную книгу — букварь.

Я читаю и радуюсь каждому звуку,
И самой удивительно — как удалось,
Что такую большую, мудреную штуку
Всю как есть изучила насквозь.

Изучила и знаю... Ванюша, ты слышишь?
И такой на душе занимается свет,
Что его и в подробном письме не опишешь,
Что ему и названия нет.

Будто я хорошею от каждого слова,
Будто с места срывается сердце мое,
Будто вся моя жизнь начинается снова
И впервые, нежданно, я вижу ее.

Мне подруги давно говорят на учебе,
Что моя голова попросторнее всех...
Жалко, нет у меня ненаглядных пособий,—
Я тогда не такой показала б успех!..

Над одним лишь я голову сильно ломаю,
Лишь одна незадача позорит мне честь:
Если что напечатано — все понимаю,
А напишут пером — не умею прочесть.

И, себя укоряя за немощность эту,
Я не знаю, где правильный выход найти:
Ваших писем не слышно, и практики нету,
И научное дело мне трудно вести.

Но хочу я, чтоб все, как и следует, было,
И, конечно, сумею свое наверстать...
А тебя я, Ванюша, навек полюбила
И готова всю душу и сердце отдать.

И любой твоей весточке буду я рада,
Лишь бы ты не забыл меня в дальней дали́...
Если карточки нет, то ее и не надо,—
Хоть письмо, хоть открытку пришли.

1932

БИОГРАФИЯ КОЛХОЗНИКА

Как я жил на белом свете —
Все записано в анкете...
Ну, а если интересно
Будет слушать вам, друзья,
То, конечно, и словесно
Кое-что добавлю я.

Звать меня Кузьма Григорьев,
А по кличке — Доброхот;
Из крестьян села Пригорья,
Год рожденья — девятьсот.

Две зимы учился в школе,
А потом пришлось прервать,
Потому — пошел я вскоре
Пропитанье добывать,
Пропитанье добывать —
В людях горе горевать.

До семнадцатого года
Жил в деревне батраком.
С восемнадцатого года
Стал считаться бедняком.
Оженился я в двадцатом
И — помог мне сельсовет —
На юру поставил хату,—
Два окошка в белый свет.

Глянешь утром — солнце всходит,
А посмотришь ночью — тьма...
Как-никак, а все ж выходит —
Стал хозяином Кузьма.
В свой черед, своим порядком
Мне прирезали земли.
Немудрящую лошадку
Мы с хозяйкой завели.
И считали так сначала,
Что дела пошли на лад...

В двадцать пятом лошадь пала,
А посевы выбил град.
А детей уж двое было,
Да и третий — впереди.
И душа моя заныла,
Запечалилась в груди:
Жил, работал, а в итоге —
Что осталось мужику?
И пришлось мне, братцы, в ноги
Поклониться кулаку.
— Ладно, дам! — ответил Котов
На невзгоду на мою.—
Только помни — отработай,
Я ведь даром не даю...

Отрабатывал я, братцы,—
Не жалел ни рук, ни ног,
А никак — скажу вам вкратце —
Развязаться с ним не мог.
Вот уж были мне расчеты,
Вот уж чертова дыра!—
Рубль, к примеру, отработал —
Задолжал на полтора.
Полтора рубля покроешь,
Отработаешь — бери!
А выходит — той порою
Задолжаешь целых три...

Так и жил я год за годом —
Ваш знакомый Доброхот:
Ни дохода, ни прихода,
А всегда один расход.
И разутый и раздетый,
Выбивался я из сил
И однажды, как-то летом,
Я у Котова спросил:
Мол, признайся, Кот, по чести,
Что меня заездил ты.
А на ком ты будешь ездить,
Коль не станет бедноты;
Коль возьмемся мы за разум,
Да и сбросим твой хомут?
Уж тогда б, наверно, разом
Наступил тебе капут.
Уж тогда-то ты, как видно,
Не толстел бы, что бугай...
Усмехнулся он ехидно
И ответил:
— Не пугай!
Не бывать такому чуду,
Чтоб с тобой сравнялся я.
Был бы кот, а мыши будут,—
Это заповедь моя.
Часто заповеди эти
Вспоминались мне потом:

**Что ж, выходит, мы на свете —
Только мыши для «котов»?
Что же, значит, мы не люди?
Нет, мой милый, не шали!
Было так, но так не будет, —
Мы — хозяева земли.
И не нам придется плохо,
А тебе на этот раз.
Не твоя теперь эпоха
И не твой теперь указ.
И уж как ты ни досадуй,—
Не пожнешь чужих плодов...
Порешили мы, что надо
Ликвидировать «котов».
Акт составили на сходе,
Я тот акт начальству снес.
И тогда ж, в тридцатом годе,
Записался я в колхоз...**

1933—1934

ОСЕНЬ

Расправив широкие крылья,
Над желтым простором полей
Плывет в небесах эскадрилья
Спешащих на юг журавлей.

Осенний старательный ветер
Листву по дорогам разнес,
И в город вчера на рассвете
Отправлен последний обоз.

Густая зеленая озимь
Торжественно вышла на свет,
И в честь урожая в колхозе
Готовится званый обед.

Билеты колхозникам на дом
Разносит ватага детей.
Скамейки со стульями рядом
Стоят в ожиданье гостей.

Разложены ложки и вилки,
И кажется — нет им числа.
Несет председатель бутылки
Для полной нагрузки стола.

И два гармониста заране
Себе нагоняют цену́:
Один и другой на баяне
Персидскую топит княжну.

И настежь раскрыты чуланы,
В которых стоят сундуки,
И мягко шуршат сарафаны,
И жарко пылают платки.

И всюду — на улице, в хате —
На песни повышсиный спрос.
И дождь, безусловно некстати,
Доводит березу до слез.

1934

ЛЮБУШКА

Понапрасну травушка измята
В том саду, где зреет виноград.
Понапрасну Любушке ребята
Про любовь, про чувства говорят.

Семерых она приворожила,
А сама не знает — почему,
Семерым головушку вскружила,
А навстречу вышла одному.

То была не встреча, а прощанье
У того ль студеного ключа.
Там давала Люба обещанье,
Что любовь навеки горяча,

До рассвета Люба говорила,
Расставаясь, слезы не лила,
Ничего на память не дарила,
А лишь только сердце отдала.

Мил уехал далеко-далече,
Улетел веселый соловей.
Но, быть может, в этот самый вечер
Вспомнит он о Любушке своей.

В том краю, откуда всходят зори,
Где обманчив по ночам покой,
Он стоит с товарищем в дозоре
Над Амуром — быстрою рекой.

Он стоит и каждый кустик слышит,
Каждый камень видит впереди...
Ничего особого не пишет,
Только пишет: «Люба, подожди».

Люба ждет назначенного срока,
Выйдет в поле, песню запоет:
Скоро ль милый с Дальнего Востока
Ей обратно сердце привезет?

Всходит месяц, вечер пахнет мятой,
В черных косах не видать ни зги...
Ой, напрасно ходят к ней ребята,
Ой, напрасно топчут сапоги!

1935

ПРОЩАНИЕ

Дан приказ: ему — на запад,
Ей — в другую сторону́...
Уходили комсомольцы
На гражданскую войну.

Уходили, расставались,
Покидая тихий край.
— Ты мне что-нибудь, родная,
На прощанье пожелай.

И родная отвечала:
— Я желаю всей душой
Если смерти, то — мгновенной,
Если раны — небольшой.

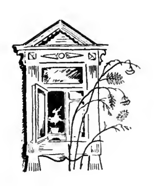
А всего сильней желаю
Я тебе, товарищ мой,
Чтоб со скорою победой
Возвратился ты домой.

Он пожал подруге руку,
Глянул в девичье лицо:
— А еще тебя прошу я,—
Напиши мне письмецо.

— Но куда же напишу я?
Как я твой узнаю путь?
— Все равно,— сказал он тихо,—
Напиши... куда-нибудь.

1935

СЫНОВЬЯ

За окошком, за колодцем —
Пыль дорог и ширь полей...
Ждет старуха не дождется
На побывку сыновей.

Вот приедут, вот утешат,
Вот подкатят к воротáм!..
Снова письма и депеши
Изучает по складам.

Бродят ветры-скоморохи,
Задевают провода...
Вдоль по Северной дороге
Старший водит поезда.

В поездах товары возит,
Знает всякий паровоз,
Хоть на том на паровозе
Двадцать штук одних колес!

Младший — тоже на работе,
У того — повыше пост:
Младший сын на самолете
Долетал почти до звезд.

У него — своя дорога,
Свой особенный причал.
Говорит, что видел много,
Только бога не встречал.

Оба — соколы степные,
Оба — гордость и оплот...
Старший пишет заказные,
Младший «молнии» дает.

Каждый празднует победу,
Жизнь обоим по плечу.
Старший пишет: «Жди, приеду»,
Младший пишет: «Прилечу...»

На столе стоит закуска.
Только где ж застряли вы,
Самолеты из Иркутска,
Паровозы из Москвы?

Ждет старуха не дождется
Ненаглядных сыновей.
За окошком — скрип колодца,
Воробьи и ветровей.

И глядит она печально,
В облака глядит до слез —
Как бы младшего случайно
Ветер мимо не пронес...

1935

ТЫ ПО СТРАНЕ ИДЕШЬ...

Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.
Перед тобой смолкают водопады
И отступает ледяная мгла.

Ты по стране идешь. И, по твоей поруке,
Земля меняет русла древних рек,
И море к морю простирает руки,
И море с морем дружится навек.

Ты по стране идешь. И все свои дороги
Перед тобой раскрыла мать-земля,
Тебе коврами стелются под ноги
Широкие колхозные поля.

И даже там, где запах трав неведом,
Где высохли и реки и пруды,
Проходишь ты — и за тобою следом,
Шумя, встают зеленые сады.

Твои огни прекрасней звезд и радуг,
Твоя дорога к солнцу пролегла.
Ты по стране идешь. И нет такой преграды,
Чтобы тебя остановить могла.

1935

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землей все шире
Заря встает, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны,—
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень,—
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идешь ли на поля,—
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов,—
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильней врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;

Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты — слеп и глух,—
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню,— вслух.

1935

ДЕВУШКА

В деревнях за рекою Угрой
Все ребята по ией тосковали.
Эту девушку звали Зарей,
Эту девушку Песней прозвали.

И когда она трактор вела,
Утро делалось ярче и шире,—
Говорили, что зорька взошла
И за ней на работу спешили.

А когда она шла в хоровод,
Ей навстречу махали платками,—
Говорнлн, что песня идет,
И в садах соловьи замолкали.

Вот какая девушка была!

1936

ПРОВОЖАНЬЕ

Дайте в руки мне гармонь —
Золотые планки!
Парень девушку домой
Провожал с гулянки.

Шли они — в руке рука —
Весело и дружно.
Только стежка коротка —
Расставаться нужно.

Хата встала впереди —
Темное окошко...
Ой ты, стежка, погоди,
Протянись немножко!

Ты потише провожай,
Парень сероглазый,
Потому что очень жаль
Расставаться сразу...

Дайте ж в руки мне гармонь,
Чтоб сыграть страданье.
Парень девушку домой
Провожал с гулянья.

Шли они — рука в руке,
Шли оии до дому,
А пришли они к реке,
К берегу крутому.

Позабыл знакомый путь
Ухажер-забава:
Надо б влево повернуть —
Повериул направо.

Льется речка в дальний край —
Погляди, послушай...
Что же, Коля-Николай,
Сделал ты с Катюшей?!

Возвращаться позже всех
Кате неприятно,
Только ноги, как на грех,
Не идут обратно.

Не хотят они домой,
Ноги молодые...
Ой, гармонь моя, гармонь —
Планки золотые!

1936

И КТО ЕГО ЗНАЕТ...

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
И кто его знает,
Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,
А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: — Что не весел?
Иль не радует житье?
— Потерял я,— отвечает,—
Сердцс бсдное свое.—
И кто сго знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки,—
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала,—
Не надейся и не жди,—
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знаст,
Чего оно тает.

1938

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

За окошком в белом поле —
Сумрак, ветер, снеговей...
Ты сидишь, наверно, в школе,
В светлой комнатке своей.

Зимний вечер коротая,
Наклонилась над столом:
То ли пишешь, то ль читаешь,
То ли думаешь о чем.

Кончен день — и в классах пусто,
В старом доме тишина,
И тебе немножко грустно,
Что сегодня ты одна.

Из-за ветра, из-за вьюги
Опустели все пути,
Не придут к тебе подруги
Вместе вечер провести.

Замела метель дорожки —
Пробираться нелегко.
Но огонь в твоем окошке
Виден очень далеко.

1938

КАТЮША

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на́ берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

IЕЛ СО СЛУЖБЫ ПОГРАНИЧНИК...

(У колодца)

Шел со службы пограничник,
Пограничник молодой.
Подошел ко мне и просит
Угостить его водой.

Я воды достала свежей,
Подала ему тотчас.
Только вижу — пьет он мало,
А с меня не сводит глаз.

Начинает разговоры:
Дескать, как живете здесь?
А вода не убывает,—
Сколько было, столько есть.

Не шути напрасно, парень,
Дома ждут меня дела...
Я сказала: «До свиданья!» —
Повернулась и пошла.

Парень стал передо мною,
Тихо тронул козырек:
— Если можно, не спешите,
Я напьюсь еще разок.

И ведро с водой студеной
Ловко снял с руки моей.
— Что же, пейте,— говорю я,—
Только пейте поскорей.

Он напился, распрямился,
Собирается идти:
— Если можно, пожелайте
Мне счастливого пути.

Поклонился на прощанье,
Взялся зá сердце рукой...
Вижу — парень он хороший
И хасанистый [1] такой.

И чего — сама не знаю —
Я вздохнула горячо
И сказала почему-то:
—Может, выпьете еще?

Улыбнулся пограничник,
Похвалил мои слова...
Так и пил он у колодца,
Может, час, а может, два.

1939

---

[1] Стихотворение написано вскоре после разгрома нашими войсками японских захватчиков у озера Хасан. Отсюда появилось слово «хасанистый».

В РОДНОМ КРАЮ

Тихо в поле, тихо в роще,
Солнце гаснет за рекой.
Не спеша проходит летчик
По дорожке полевой.

Летчик с Дальнего Востока,
Бивший недруга в бою,—
Он приехал издалёка
Погостить в родном краю;

Посмотреть на эти хаты,
Где живут его друзья,
На широкие закаты,
На березы у ручья.

Он приехал наглядеться
На поля, и на леса,
И на все, что помнил с детства
И чего забыть нельзя.

Летчик с Дальнего Востока,
Пограничник боевой,—
Он идет во ржи высокой
По дорожке полевой.

И бежит, бежит дорожка,
И горит, горит закат...
Где-то пробует гармошку
Беспокойный музыкант;

Где-то ласково и звонко
Голос девичий запел:
«На родимую сторонку
Ясный сокол прилетел».

1939

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Памяти Н. К. Крупской

Мы тихо и скорбно сегодня вошли
Под своды Колонного зала:
Скончалася женщина русской земли,
Чье слово людей согревало.

Скончалася та, что и ночью и днем
Работала долгие годы,
Чье сердце большое горело огнем
Любви беззаветной к народу.

Плывут над седою ее головой
Оркестра печальные звуки...
Быть может, впервые узнали покой
Ее работящие руки;

Быть может, она ни забот, ни хлопот
Не знает сегодня впервые.
И низко над нею склоняет народ
Знамена свои боевые,—

Над нею, что жизнь до конца отдала
Во имя победы народной...
Прощай же, товарищ! Ты честно прошла
Свой доблестный путь благородный.

1 марта 1939

У САМОЙ ГРАНИЦЫ

У самой границы, в секрете,
Я зоркую службу несу,—
За каждый пригорок в ответе,
За каждую елку в лесу.

Укрытый густыми ветвями,
И слушаю я, и смотрю,
И сердцем с родными краями
В такие часы говорю.

И все мне становится ближе,
Как будто сквозь сумрак ночной
Я всю свою родину вижу
И вся она рядом со мной.

Проходят, встают предо мною
Деревни, поля, и леса,
И месяц над самой трубою,
И липа напротив крыльца;

И Черное море, и горы,
Где я никогда не бывал,
И стены Кремля, у которых
Я клятву народу давал...

А только лишь утро затронет
Высокие сосны вокруг,
Я чую — в далеком районе
Зарю объявляет пастух.

Мне чудится утренний гомон
И отблеск отточенных кос,—
Как будто тропою знакомой
И сам я спешу на покос.

Я вижу, как солнце выходит,
Как трактор идет большаком
И как мальчуган на подводе
Бидоны везет с молоком.

А где-то за милую душу
Горланит петух молодой,
И девушка — может, Катюша —
Из хаты бежит за водой;

И ласточки крыльями машут,
И топится чья-нибудь печь...
И все это — родина наша,
А родину надо беречь.

1940

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Месяц над нашею крышею светит,
Вечер стоит у двора.
Маленьким птичкам и маленьким детям
Спать наступила пора.

Завтра проснешься — и ясное солнце
Снова взойдет над тобой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, моя крошка, мой птенчик пригожий,—
Баюшки, ба́ю-баю.
Пусть никакая печаль не тревожит
Детскую душу твою.

Ты не увидишь ни горя, нн мукн,
Доли не встретишь лихой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

Спи, мой малыш, вырастай на просторе,—
Быстро промчатся года.
Смелым орленком на ясные зорн
Ты улетншь из гнезда.

Даст тебе снлу, дорогу укажет
Родина мудрой рукой...
Спи, мой воробышек, спи, мой сыночек,
Спи, мой звоночек родной.

1940

МОРЯЧКА

Уезжал моряк из дому,
Стал со мною говорить:
— Разрешите вам на память
Свое сердце подарить.

И когда я плавать буду
Где-то в дальней стороне,
Хоть разочек, хоть немножко
Погрустите обо мне.

Я ответила шутливо,
Что приятна эта речь,
Но такой большой подарок —
Неизвестно, где беречь.

И к тому ж, товарищ милый,
Разрешите доложить:
Чтобы девушка грустила —
Это надо заслужить.

Он обиделся, наверно,
Попрощался кое-как:
Шутки девичьей не понял
Недогадливый моряк.

И напрасно почтальона
Я встречаю у ворот:
Ничего моряк не пишет,
Даже адреса не шлет.

Мне и горько, и досадно,
И тоска меня взяла,
Что не так ему сказала,
Что неласкова была.

А еще того досадней,
Что на людях и в дому
Все зовут меня морячкой
Неизвестно почему.

1940

ВИШНЯ

В ясный полдень, на исходе лета,
Шел старик дорогой полевой;
Вырыл вишню молодую где-то
И, довольный, нес ее домой.

Он глядел веселыми глазами
На поля, на дальнюю межу.
И подумал: «Дай-ка я на память
У дороги вишню посажу.

Пусть растет большая-пребольшая,
Пусть идет и вширь и в высоту
И, дорогу нашу украшая,
Каждый год купается в цвету.

Путники в тени ее прилягут,
Отдохнут в прохладе, в тишине
И, отведав сочных, спелых ягод,
Может статься, вспомнят обо мне.

А не вспомнят — экая досада,—
Я об этом вовсе не тужу:
Не хотят — не вспоминай, не надо,—
Все равно я вишню посажу!»

1940

НА ГОРЕ — БЕЛЫМ-БЕЛА...

На горе — белым-бела —
Утром вишня расцвела.
Полюбила я парнишку,
А открыться не могла.

Я по улице хожу,
Об одном о нем тужу,
Но ни разу он не спросит,
Что на сердце я ношу.

Только спросит — как живу,
Скоро ль в гости позову...
Не желает он, наверно,
Говорить по существу.

Я одна иду домой,
Вся печаль моя со мной.
Неужели ж мое счастье
Пронесется стороной?

1940

Я ВЫРОС В ЗАХОЛУСТНОЙ СТОРОНЕ

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к ним счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий,
Где в каждой хате — может, тыщу лет —
Нужда сидела на почетном месте.

Я вырос там, среди скупых полей,
Где все пути терялися в тумане,
Где матери, баюкая детей,
О горькой доле пели им заране.

Клочок земли, соха да борона —
Такой была родная сторона.
И под высоким небом наших дней
Я очень часто думаю о ней.

Я думаю о прожитых годах,
О юности глухой и непогожей,
И все, что нынче держим мы в руках,
Мне с каждым днем становится дороже.

1941

МЫ ШЛИ...

Мы шли молчаливой толпою,—
Прощайте, родные места! —
И беженской нашей слезою
Дорога была залита.

Вздымалось над селами пламя,
Вдали грохотали бои,
И птицы летели над нами,
Покинув гнездовья свои.

Зверье по лесам и болотам
Бежало, почуяв войну,—
Видать, и ему неохота
Остаться в фашистском плену.

Мы шли... В узелки завязали
По горстке родимой земли,
И всю б ее, кажется, взяли,
Но всю ее взять не могли.

И в горестный час расставанья,
Среди обожженных полей,
Сурово свои заклинанья
Шептали старухи над ней:

— За кровь, за разбой, за пожары,
За долгие ночи без сна
Пусть самою лютою карой
Врагов покарает она!

Пусть высохнут листья и травы,
Где ступит нога палачей,
И пусть не водою — отравой
Наполнится каждый ручей.

Пусть ворон — зловещая птица —
Клюет людоедам глаза,
Пусть в огненный дождь превратится
Горючая наша слеза.

Пусть ветер железного мщенья
Насильника в бездну сметет,
Пусть ищет насильник спасенья,
И пусть он его не найдет

И страшною казнью казнится,
Каменья грызя взаперти...

Мы верили — суд совершится.
И легче нам было идти.

1942

НЕ У НАС ЛИ, ПОДРУЖЕНЬКИ...

(Песня о фашистской неволе)

**Не у нас ли, подруженьки,
Под весенними зорями
Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом?**

**Пели вечером девушки
О цветке о лазоревом,
Соловьи с гармонистами
До полу́ночи спорили.**

**Не по этой ли улице
С нами шла, горделивая,
Наша вольная волюшка,
Наша доля счастливая?**

**Наша доля счастливая
С нами шла, красовалася;
Не на нас ли, подруженьки,
Вся земля любовалася?**

Словно коршуны злобные,
Налетели насильники,
Приднепровские пажити
Превратили в могильники.

Растоптали без жалости
Наш цветочек лазоревый,
Гармонистов повесили,
А девчат опозорили.

Дни и ночи без отдыха
Всех работать заставили,
За колючую изгородь
На мученье отправили.

Насмерть бьют нас прикладами,
Руки вяжут оковами,
Поливают нам головы
Всё дождями свинцовыми.

Где ж найти нам спасение
От злодея жестокого?..
Долети, наша жалоба,
До Кремля до высокого;

Расскажи ты там, горькая,
Как земля изувечена:
Как пожарами выжжена
И железом иссечена;

Как мы утром и вечером
Смотрим в даль заднепровскую —
Всё на ту на широкую
На дорогу московскую:

Может, знамя победное
Вдалеке заколышется,
Может, Красная Армия
Нам на выручку движется.

Ждут ее, долгожданную,
И мужчины и женщины,
Ждут леса белорусские,
Ждут пригорки Смоленщины.

Все навстречу ей кинется,
Все навстречу ей тронется,
В ноги нашей защитнице
Каждый кустик поклонится.

Стихнет боль всенародная
И печаль всенародная,
И навеки окончится
Эта ночь безысходная.

1942

СТАРИК

У вырванных снарядами берез
Сидит старик, а с ним собака рядом.
И оба молча смотрят на погост
Каким-то дымным, невеселым взглядом.

Ползет туман. Накрапывает дождь.
Над мертвым полем воронье кружится...
— Что, дедушка, наверно, смерти ждешь?
Наверно, трудно с немцами ужиться?

Старик помедлил. Правою рукой
Сорвал с куста листочек пожелтелый.
— В мои года не грех и на покой,
Да, вишь, без нас у смерти много дела.

Куда ни глянь — лютует немчура,
Конца не видно муке безысходной.
И у меня вот от всего двора
Остался я да этот пес голодный.

И можно ль нам такую боль стерпеть,
Когда злодей всю душу вынимает?..
В мои года не штука помереть,
Да нет, нельзя — земля не принимает.

Она — я слышу — властно шепчет мне:
«Ты на погосте не найдешь покоя,
Пока в привольной нашей стороне
Хозяйничает племя нелюдское.

Они тебе сгубили всю семью,
Твой дом родной со смехом поджигали;
Умрешь — могилу тихую твою
Железными затопчут сапогами...»

И я живу. Своим путем бреду,
Запоминаю, что и где творится,
Злодействам их\ним полный счет веду,—
Он в час расплаты может пригодиться.

Пускай мне тяжко. Это ничего.
Я смерть не позову, не потревожу,
Пока врага, хотя бы одного,
Вот этою рукой не уничтожу.

1942

В ПРИФРОНТОВОМ ЛЕСУ

Лиде.

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.

Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Под этот вальс весенним днем
Ходили мы на круг,
Под этот вальс в краю родном
Любили мы подруг;

Под этот вальс ловили мы
Очей любимых свет,
Под этот вальс грустили мы,
Когда подруги нет.

И вот он снова прозвучал
В лесу прифронтовом,
И каждый слушал и молчал
О чем-то дорогом;

И каждый думал о своей,
Припомнив ту весну,
И каждый знал — дорога к ней
Ведет через войну...

Так что ж, друзья, коль наш черед,—
Да будет сталь крепка!
Пусть наше сердце не замрет,
Не задрожит рука;

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светят в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

Но пусть и смерть — в огне, в дыму —
Бойца не устрашит,
И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Настал черед, пришла пора,—
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем;

За тех, что вянут, словно лист,
За весь родимый край...
Сыграй другую, гармонист,
Походную сыграй!

1942

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН КРАСНОАРМЕЕЦ

Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись,
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись.

Кто б ни был ты — рыбак, шахтер,
Ученый иль пастух,—
Навек запомни: здесь лежит
Твой самый лучший друг.

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А родину сберег.

1942

ОТТУДА

В далекий путь собравшись втихомолку,
Старуха ночью вышла из села,—
Взяла ведро, взяла еще кошелку
И за собой корову повела.

Забыла все — и годы и усталость,
Не побоялась никаких невзгод.
И одного лишь, кажется, боялась,
Что вдруг ее корова заревет.

Услышат немцы — и пропало дело! —
Убьют, замучат иль сведут с ума...
Но тут уж и корова не ревела,
Как будто знала, чуяла сама.

Так шли они из вражеского тыла
Вдали от сел, вдали от деревень —
Туда, где солнце по утрам всходило,
Туда, откуда начинался день.

Так шли они нехоженой тропою —
От леса к лесу, от ручья к ручью...
В пути старуха свежею травою
Кормила щедро спутницу свою,

Водою родниковою поила
И, словно дома, в тот же самый срок,
Под старыми березами доила,
Усевшись на какой-нибудь пенек.

И с горькой думой, в тихий час привала,
Пила неторопливо молоко
И снова в путь корову поднимала:
— Идем, идем! Теперь недалеко́.

Идем, идем! Авось дойдем живые,
На счастье на старушечье мое...—
На третьи сутки наши часовые
Увидели, окликнули ее.

— Свои, свои! — Она остановилась
С коровою, с кошелкою, с ведром.
Смущенная, неловко поклонилась:
Вот, мол, пришла со всем своим двором...

Пред ней бойцы столпились полукругом:
— Куда идешь, куда шагаешь, мать?
— Куда ж идти,— ответила старуха,—
Иду-бреду судьбу свою искать.

Иду-бреду, несу свои печали...—
И голос вдруг осекся и погас,
И мелкой дрожью губы задрожали,
И слезы, слезы сыпались из глаз.

Бойцы старуху отвели в землянку,
Стараясь обласкать наперебой.
Достали хлеба свежую буханку
И вскипятили чайник фронтовой.

— А ну-ка, мать, попробуй нашей пищи,
А мы с тобою рядом посидим.
Уж мы теперь судьбу твою разыщем,
Уж мы тебя в обиду не дадим!

Освоилась старуха, осмотрелась —
Хорошую нашла она семью!
И вдруг сказала:
— Что ж я тут расселась?
А я ж пойду корову подою.

И вскоре с материнскою заботой
Она бойцов поила молоком,
И говорила, говорила что-то,
И называла каждого сынком.

1942

ОГОНЕК

На позиции девушка
Провожала бойца,
Темной ночью простилася
На ступеньках крыльца.

И пока за туманами
Видеть мог паренек,
На окошке на девичьем
Все горел огонек.

Парня встретила славная
Фронтовая семья,
Всюду были товарищи,
Всюду были друзья.

Но знакомую улицу
Позабыть он не мог:
— Где ж ты, девушка милая,
Где ж ты, мой огонек?

И подруга далекая
Парню весточку шлет,
Что любовь ее девичья
Никогда не умрет;

Все, что было загадано,
В свой исполнится срок,—
Не погаснет без времени
Золотой огонек.

И просторно и радостно
На душе у бойца
От такого хорошего
От ее письмеца.

И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За Советскую Родину,
За родной огонек.

1942

СЛУШАЙТЕ, ТОВАРИЩИ...

— Слушайте, товарищи!
Наши дни кончаются,
Мы закрыты-заперты
С четырех сторон...
Слушайте, товарищи!
Говорит, прощается
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

Все, что нам положено,—
Пройдено, исхожено.
Мало их осталося —
Считанных минут.
Скоро нас, измученных,
Связанных и скрученных,
На расправу лютую
Немцы поведут.

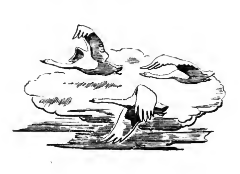
Знаем мы, товарищи,—
Нас никто не вызволит,
Знаем, что насильники
Довершат свое,
Но когда б вернулася
Юность наша сызнова,
Мы бы вновь за Родину
Отдали ее.

Слушайте ж, товарищи!
Все, что мы не сделали,
Все, что не успели мы
На пути своем,—
В ваши руки верные,
В ваши руки смелые,
В руки комсомольские
Мы передаем.

Мстите за обиженных,
Мстите за униженных,
Душегубу подлому
Мстите каждый час!
Мстите за поруганных,
За убитых, угнанных,
За себя, товарищи,
И за всех за нас.

Пусть насильник мечется
В страхе и отчаянье,
Пусть своей Неметчины
Не увидит он!
Это завещает вам
В скорбный час прощания
Молодая гвардия,
Город Краснодон.

1943

БЕЛОРУССКАЯ ПЕСНЯ

Ой вы, вольные птицы,
Ой вы, серые гуси!
Долетите вы, гуси,
До моей Беларуси;
До моей Беларуси,
До родимой сторонки,
А в родимой сторонке —
До деревни Сосёнки.

Прокричите вы, гуси,
Высокó в поднебесье,
Что с победою скоро
Мы придем на Полесье;

Мы придем на Полесье
В города и селенья,
Нашим братьям и сестрам
Принесем вызволенье.

Пусть они не сдаются,
Пусть они ожидают,
Для фашистов могилу
Пусть поглубже копают;
Пусть поглубже копают,
Пусть копают пошире —
За кровавые раны,
За обиды большие.

А еще, мои гуси,
Разыщите дивчину,
Что ушла партизанить
За родную краину.
От меня передайте
Ей одно только слово —
Нерушимое слово,
Что мы встретимся снова.

Долетите ж вы, гуси,
До родной Беларуси.

1943

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты знаешь, я думаю часто,—
Когда прекратится война,
Сойду я на станции:
— Здравствуй,
Родная моя сторона!
Вот я и вернулся до дому —
Твой житель, твой старый знакомый,
Твой сын — черноморский матрос;
Он с южного, теплого моря
На север, в деревню Подворье,
И мир и победу принес...

Чтоб сердце остыло немного,
У станции я постою
И памятной с детства дорогой
Отправлюсь в деревню свою;
Пойду я родной стороною
В безоблачный утренний час,
И встанет она предо мною,
Какой представлялась не раз;
Какою мечталась и снилась,
Какой на войне не забылась,—
Родная моя сторона!
В ней только одно изменилось,
Что стала дороже она.

И, запахи поля вдыхая,
Мне радостно будет шагать;
Березы, с пригорков сбегая,
Мне ветками будут махать;
Пастуший рожок за оврагом
Взгрустнет и замрет в тишине.
На улице шумной ватагой
Мальчишки метнутся ко мне
И будут дивиться в избытке:
— Смотри — с якорями!.. моряк! —

И выйдет сосед из калитки
И скажет:
— Здорово, земляк!

С победой тебя и с возвратом,
С приходом в родные края!..

А вот и отцовская хата —
Приют мой и кровля моя.
И вот я иду через сени,—
В сенях половицы скрипят,
И вот уж целуюсь со всеми
И всех обнимаю подряд.
И мать по плечу меня гладит,
Хлопочет, спешит угостить,
К столу приглашает и садит,
Не зная, куда посадить.
Седой, деловитый в движеньях,
Отец разливает вино:
— Ну, что же, сынок, с возвращеньем —
Пожалуй, не будет грешно...—
В расспросах, в рассказах, в беседе
Пройдет незаметно полдня,
А там — потянулись соседи
Послушать, взглянуть на меня.
И двери не знают покоя —
Идет и один и другой,—
Как будто я чудо какое,
Как будто я праздник какой.

И радостно станет мне снова,
Что я хорошо воевал,

Что в час испытаний суровых
Сдержал краснофлотское слово —
Пощады врагам не давал;
Что эти поля и дубравы,
Деревни, поселки, сады
Сберег от смертельной расправы,
От лютой фашистской беды...

Я думаю часто об этом
Великом торжественном дне,
И ясным немеркнущим светом
Он издали светится мне.
И бьюсь я бесстрашно с врагами —
С фашистскою злобной ордой,
Чтоб мне не с пустыми руками
В тот день возвратиться домой,
А чтобы с далекого моря
Со славой и с честью прийти,—
В родную деревню Подворье
Победу и мир принести!

22 июня 1944

РАССКАЗ ПРО СТЕПАНА И ПРО СМЕРТЬ

1

К Степановой хате весной, перед вечером,
Подкралася смерть неприметной тропой.
— Степан Алексеич! Раздумывать нечего...
Степан Алексеич! Пришла за тобой.
Как видно, пропала ухватка железная,—
Лежишь ты да зря переводишь харчи...
— Что верно, то верно — хвораю, болезная,
Что правда, то правда — лежу на печи.
Давно уж задумал я думу нездешнюю,
Давно отошел от полей и двора...
— Ну что ж, приготовь свою душеньку
грешную,
Сегодня твоя наступила пора...
— Готов я. И доски для гроба натесаны,
И выбрано место... Дорога одна...
А только нельзя ли отсрочить до осени?
Уж больно хорошая нынче весна.
Хочу перед ночью своей нескончаемой
При свете, при лете пожить, подышать,

На все на живое взглянуть на прощание,
Чтоб легче мне было в могиле лежать.
Опять же, хоть стар я, а все же с понятием,
И знать, понимаешь ли, надобно мне,
Что наши решили насчет неприятеля
И как повернутся дела на войне.
Узнаю про все и умру успокоенный,—
Ни словом, ни делом тебе не солгу...—
И смерть отвечала:
— Пусть будет по-твоему,
До первого снега отсрочить могу.

2

Вот лето промчалось. Покосы покошены.
Хлеба обмолочены. Тихо кругом.
Земля призакрылася белой порошею,
И речка подернулась первым ледком.
В окошко старик посмотрел, запечалился:
Знакомая гостья спешит через двор.
— Степан Алексеич! Отсрочка кончается...
Степан Алексеич! Таков уговор...
— Что верно, то верно... Пора мне
скопытиться,—
Степан говорит,— отслужил — и в запас.
Да знаешь ли, дело такое предвидится,
Что мне умереть невозможно сейчас.
За все моя совесть потом расквитается,

А нынче бы надо со мной погодить:
Прибыток в дому у меня ожидается —
Невестка мне внука должна народить.
И хочешь не хочешь, но так уж приходится,—
Позволь мне хоть малость постранствовать тут:
Мне б только дождаться, когда он народится,
Узнать бы, какой он и как назовут.
— И много ль для этого надобно времени?
— Ну, месяц, ну, два... Так о чем же тут речь?
К тому же, пока еще нет замирения,
На немцев бы надо тебе приналечь.
А там — приходи. Три аршина отмеривай,—
Степан не попросит уже ничего.
И будет лежать он — спокойный, уверенный,
Что живо, что здравствует племя его.
Солдату бывалому, старому воину,
Сама понимаешь, не грех уступить...—
И смерть отвечала: — Пусть будет по-твоему.
Хитришь ты, я вижу, да так уж и быть...

3

Мороз отскрипел. Отшумела метелица.
Снега потеряли свою белизну.
Туман вечерами над речкою стелется,
На улицах девушки кличут весну.
Ручей на дорогу откуда-то выбежал,—
Запел, заиграл, молодой баламут!..

Степан Алексеич поднялся — не выдержал,
Уселся на лавку и чинит хомут.
И любо Степану, и любо, и дорого,
Что он не последний на ниве людской:
Поди, не надеялись больше на хворого,
А хворый-то — вот он, выходит, какой!
И сам хоть куда, и работа не валится
Из старых толковых Степановых рук.
А внуком и вправду Степан не нахвалится.
Да как нахвалиться?— орел, а не внук!
Накопит он силы, войдет в разумение,
А там и пошел по отцовским стопам!
Задумался старый... И в это мгновение
Послышался голос:
— Готов ли, Степан? —
Степан оглянулся:
— Явилася, странница!..
А я-то, признаться, забыл уж давно:
На старости память, как видно, туманится,
И помнить про все старику мудрено.
— Ой, врешь ты, Степан,—
заворчала пришелица,—
Совсем очумел от моей доброты!
Я думала — всё уж... А он канителится —
Расселся и чинит себе хомуты!
Ужели ж напрасно дорогу я мерила?
Хорош, человече! Куда как хорош!
А я-то на честное слово поверила,

А мне-то казалось, что ты не соврешь...—
Старик не сдержался:
— «Казалось»! «Казалося»!
Подумаешь тоже — нарушил обет!..
Да что ты, всамделе, ко мне привязалася,
Как будто другого занятия нет?
Понравилось, что ли, за старым охотиться?
Стоишь над душой, а не знаешь того,
Что скоро с победою сын мой воротится
И пишет он мне, чтобы ждал я его.
И как же не встретиться с ним, не увидеться,
И как не дождаться желанного дня?
Великой обидою сердце обидится,
Коль праздник мой светлый придет без меня.
Не вовремя ты на меня пзловчилася,
Не в срок захотела меня уложить:
Уж как бы там ни было, что б ни случилося,
А Гитлера должен Степан пережить!
И что ты ни делай, и что ни загадывай,—
Пока не услышу, что Гитлер подох,
Ты лучше в окошко мое не заглядывай,
Ты лучше ко мне не ступай на порог.
И это тебе мое слово последнее,
И это тебе окончательный сказ!..—
Подумала смерть, постояла, помедлила,
Махнула рукою и скрылась из глаз.

1944

СЛОВО О РОССИИ

Советская Россия,
Родная наша мать!
Каким высоким словом
Мне подвиг твой назвать?
Какой великой славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой,
Что́ ты перенесла?

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,
Ложилася под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;

Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпáли
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавила металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,—
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала — будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тиссой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?

Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты — выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

1944

ЛУЧШЕ НЕТУ ТОГО ЦВЕТУ...

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда милый мой придет.

Как увижу, как услышу —
Все во мне заговорит,
Вся душа моя пылает,
Вся душа моя горит.

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем,
И куда — не знаем сами,—
Словно пьяные, бредем.

Мы бредем по тем дорожкам,
Где зеленая трава,
Где из сердца сами рвутся
Незабвенные слова.

А кругом сады белеют,
А в садах бушует май,
И такой на небе месяц —
Хоть иголки подбирай.

За рекой гармонь играет —
То зальется, то замрет...
Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет.

1944

ЛАСТОЧКА

Еще и артиллерия гремела
И мины рвались на краю села,
А ласточка уже взялась за дело
И, хлопоча, гнездо себе вила.

И люди выходили из укрытий
Навстречу дню большому своему,
И люди говорили: «Посмотрите,
Хоть и мала, а знает — что к чему».

1944

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ

...Да разве ж об этом расскажешь —
В какие ты годы жила!
Какая безмерная тяжесть
На женские плечи легла!..

В то утро простился с тобою
Твой муж, или брат, или сын,
И ты со своею судьбою
Осталась один на один.

Один на один со слезами,
С несжатыми в поле хлебами
Ты встретила эту войну.
И все — без конца и без счета —
Печали, труды и заботы
Пришлись на тебя на одну.

Одной тебе — волей-неволей,—
А надо повсюду поспеть;
Одна ты и дома и в поле,
Одной тебе плакать и петь.

А тучи свисают все ниже,
А громы грохочут все ближе,
Все чаще недобрая весть.
И ты перед всею страною,
И ты перед всею войною
Сказалась — какая ты есть.

Ты шла, затаив свое горе,
Суровым путем трудовым.
Весь фронт, что от моря до моря,
Кормила ты хлебом своим.

В холодные зимы, в метели,
У той у далекой черты
Солдат согревали шинели,
Что сшила заботливо ты.

Бросалися в грохоте, в дыме
Советские воины в бой,
И рушились вражьи твердыни
От бомб, начиненных тобой.

За все ты бралася без страха,
И, как в поговорке какой,
Была ты и пряхой и ткахой,
Умела — иглой и пилой.

Рубила, возила, копала,—
Да разве же все перечтешь?
А в письмах на фронт уверяла,
Что будто б отлично живешь.

Бойцы твои письма читали,
И там, на переднем краю,
Они хорошо понимали
Святую неправду твою.

И воин, идущий на битву
И встретить готовый ее,
Как клятву шептал, как молитву,
Далекое имя твое...

1945

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол,—
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

УСЛЫШЬ МЕНЯ, ХОРОШАЯ...

Услышь меня, хорошая,
Услышь меня, красивая,—
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

Иду я вдоль по улице,
А месяц в небе светится,
А месяц в небе светится,
Чтоб нам с тобою встретиться...

Еще косою острою
В лугах трава не скошена,
Еще не вся черемуха
К тебе в окошко брошена;

Еще не скоро молодость
Да с нами распрощается,
Люби ж, покуда любится,
Встречай, пока встречается.

Встречай, моя хорошая,
Встречай, моя красивая,—
Заря моя вечерняя,
Любовь неугасимая!

1945

СНОВА ЗАМЕРЛО ВСЕ ДО РАССВЕТА...

Снова замерло все до рассвета —
Дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь.
Только слышно — на улице где-то
Одинокая бродит гармонь:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно вернется опять,
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Веет с поля ночная прохлада,
С яблонь цвет облетает густой...
Ты признайся — кого тебе надо,
Ты скажи, гармонист молодой.

Может статься, она — недалеко,
Да не знает — ее ли ты ждешь...
Что ж ты бродишь всю ночь одиноко,
Что ж ты девушкам спать не даешь?!

1945

ПО РОСИСТОЙ ЛУГОВОЙ...

По росистой луговой,
По извилистой тропинке
Провожал меня домой
Мой знакомый с вечеринки.

Возле дома он сказал,
Оглядевшись осторожно:
— Я бы вас поцеловал,
Если это только можно.

Я ответила ему,
Что, конечно, возражаю,
Что такого никому
Никогда не разрешаю.

Сразу парень загрустил,
Огорченный, стал прощаться,—
Дескать, значит, я не мил,
Дескать, лучше б не встречаться.

Я в глаза ему смотрю:
— Раз такое положенье,
То уж ладно,— говорю,—
Поцелуй... без разрешенья.

1946

НА СМЕРТЬ М. И. КАЛИНИНА

Я вспоминаю: с севера и с юга,
Под жарким солнцем и в ненастной мгле,
К нему крестьяне ехали, как к другу,
Поговорить о жизни, о земле.

В те дни деревня новый путь искала,
За новой правдой шла в Москву она,
И у него тогда перебывала,
Наверно, вся Советская страна.

К нему стучались в двери днем и ночью,
И был для всех он как живой родник —
Тверской крестьянин, питерский рабочий
И ленинской закалки большевик.

И все его любили, как родного,—
От стариков до маленьких детей.
Его дела, его простое слово
Навек осталось в памяти людей.

Пусть нет его сегодня между нами,
Но это имя — всей своей душой —
Поднимем мы как боевое знамя,
Как символ жизни правой и большой.

1946

РАЗГОВОР НА КРЫЛЬЦЕ

Август месяц. Тихо. Сухо.
Предвечерний час.
На крыльце сидит старуха
И ведет рассказ:

— Я любое знала дело,
На любое шла.
И пахать, и жать умела,
И косить могла.

Молотила, лен трепала
До вечерних звезд.
Одного холста наткала,
Может, на сто верст.

А уж сколько спряла пряжи
За свои года!..
И никто спасибо даже
Не сказал тогда.

Да и было ль от кого там
Ожидать его?
Каждый знал свою заботу,—
Больше ничего:

Свой порог, свои полати,
Свой в окошке свет,
И свое же горе в хате,
Горе многих лет.

Каждый жил своим уделом,
Нес свою суму,
Ни до чьей судьбы и дела
Не было ему.

И водилось так, бывало,
Шло из края в край:
Коль ты жив — живи, пожалуй,
Помер — помирай.

И какого ж я спасиба
Ждать-просить могла?
Впрочем, я и не просила,
Я и не ждала.

Мне о том лишь для примера
Вспомнилось сейчас,

Потому — иная мера
В жизни есть у нас.

Кто б ты ни был — ткешь, иль пашешь,
Роешь ли руду,—
Все мы, все в державе нашей
Нынче на виду.

Нынче всякий труд почетен,
Где какой ни есть.
Человеку по работе
Воздается честь.

Кто работу сердцем любит,
Кто баклуш не бьет,
За того — закон и люди,
За того — народ...

Пригляделась я, решила
И в колхоз пошла.
Брала лен, телят растила,
Птицу развела.

За телят, за эту птицу
Из родимых мест
Повезли меня в столицу
На колхозный съезд.

Там, в Москве, в кремлевском зале,—
Как в каком-то сне,—
Самый важный орден дали
За работу мне.

Самый главный орден дали
За большой успех,
И спасибо мне сказали
На весь мир, при всех.

Я сижу. Сижу и плачу
С орденом в руках.
«Кто я есть и что я значу?
А ведь вот же как!..

Вот же как оно случилось!» —
Повторяла я.
И, как орден тот, светилась
Вся душа моя.

Я на том большом совете
Поняла тогда,
Что не может быть на свете
Счастья без труда.

Только труд — всему основа,
Честный труд людской...
Вот мое какое слово,
Вот мой сказ какой!..

Ну да я — старуха все же,
Очень уж стара,
А вот вам-то, молодежи,
Это знать пора.

Вы живете по науке,
Вы идете в рост,
Вам теперь и книги в руки,
С вас — особый спрос.

Долго ль здесь на солнце греться
Остается нам?
Вся земля, весь мир в наследство
Достается вам.

Вам, наследникам по праву,—
Думать и решать;
За Советскую державу
Вам ответ держать,—

За ее красу и силу,
За ее дела
И за свет неугасимый,
Что она зажгла.

Вам — руками молодыми,
Сердцем и умом —
Укреплять ее твердыню
И стоять на том!

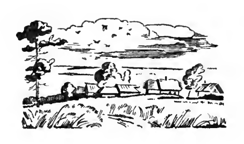
Чтоб и те, что в битвах пали
За ее права,
И за гробом даже знали,
Что она жива;

Что без горя, честь по чести,
Люди здесь живут,
Что хранит ее от бедствий
Ваш сыновний труд.

Где бы вам по белу свету
Ни пришлось бродить,
Вам нельзя, вам права нету
Это позабыть.

Вас она зовет на подвиг,
Подвиг трудовой...
Вот какой вам сказ сегодня,
Вот наказ какой!

1947

ДЕТСТВО

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...

Н. А. Некрасов

1

Давно это, помнится, было со мною,—
В смоленской глухой стороне,
В поля, за деревню, однажды весною
Пришло мое детство ко мне.

Пришло и сказало:
— Твои одногодки
С утра собрались у пруда,
А ты сиротою сидишь на пригорке,
А ты не идешь никуда.

Ужели ж и вправду тебе неохота
Поплавать со мной на плоту,
Ручей перепрыгнуть с разбега, с разлета,
Сыграть на лужайке в лапту;

На дуб, на березу вскарабкаться лихо
Иль вырезать дудку в лесу?..
— Мне очень охота,— ответил я тихо,—
Да, видишь, свиней я пасу.

Такое они беспокойное племя,
Что только гляди да гляди.
И бегать с тобой, понимаешь, не время,—
Ты как-нибудь после приди...

2

Пришло мое детство, пришло золотое
Июльской порою ко мне
И так говорит, у завалинки стоя:
— Ты что же — опять в стороне?

Наверно, забыл, что поспела малина,
Что в лес отправляться пора?
Наверно, не знаешь, какого налима
Ребята поймали вчера?..

— Я знаю,— со вздохом сказал я на это,—
Да только уйти не могу:
Все наши работают в поле с рассвета,
А я вот избу стерегу.

Двухлетний братишка со мною к тому же,
Не смыслит еще ничего:
Уйдешь — захлебнется в какой-нибудь луже
Иль бык забодает его.

И куры клюют огурцы в огороде,—
Хоть палкой их бей по ногам!
Сгоню их — они успокоятся вроде,
А гляну — опять уже там...

Так я говорил — деловито, печально,
Желая себя оправдать...
И, палочкой белой взмахнув на прощанье,
Ушло мое детство опять.

3

Пришло оно снова холодной зимою
В наш бедный нерадостный дом,
Взяло меня за руку жаркой рукою:
— Идем же,— сказало,— идем!

Могу я придумать любую забаву,
Любую игру заведу:
С тобою мы вылепим снежную бабу
И в бабки сразимся на льду;

На санках с горы пронесемся, как ветер,
Сыграем с друзьями в снежки...
— Мне б очень хотелось,— я детству ответил,—
Да руки, видать, коротки.

Ты разве забыло, что нынче — не лето,
Что не в чем мне выйти за дверь?
Сижу я разутый, сижу я раздетый,
И нет у нас хлеба теперь.

Ты б лучше весной...— попросил я несмело,—
Тогда и в рубашке тепло...—
Безмолвно оно на меня посмотрело
И, горько вздыхая, ушло.

Ушло мое детство, исчезло, пропало,—
Давно это было, давно...
А может, и вовсе его не бывало
И только приснилось оно.

1947—1948

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Александру Фадееву

Трансвааль, Трансвааль — страна моя
Ты вся горишь в огне.

Русская народная песня

1

Та песня с детских лет, друзья,
Была знакома мне:
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..
Каким она путем
Пришла в смоленские края,
Вошла в крестьянский дом?

И что за дело было мне,
За тыщи верст вдали,
До той страны, что вся в огне,
До той чужой земли?

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет,—
Где эта самая Трансвааль
И есть она иль нет.

И все ж она меня нашла
В Смоленщине родной,
По тихим улицам села
Ходила вслед за мной.

И понял я ее печаль,
Увидел тот пожар.
Я повторял:
— Трансвааль, Трансвааль! —
И голос мой дрожал.

И я не мог уже — о нет! —
Забыть про ту страну,

Где младший сын — в тринадцать лет —
Просился на войну.

И мне впервые, может быть,
Открылося тогда,
Как надо край родной любить,
Когда придет беда;

Как надо Родину беречь
И помнить день за днем,
Чтоб враг не мог ее поджечь
Погибельным огнем...

2

«Трансвааль, Трансвааль — страна моя!..»
Я с этой песней рос.
Ее навек запомнил я
И, словно клятву, нес.

Я вместе с нею путь держал,
Покинув дом родной,
Когда четырнадцать держав
Пошли на нас войной;

Когда пожары по ночам
Пылали здесь и там
И били пушки англичан
По нашим городам;

Когда сражались сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

3

Я пел свой гнев, свою печаль
Словами песни той,
Я повторял:
— Трансвааль, Трансвааль! —
Но думал о другой,—

О той, с которой навсегда
Судьбу свою связал,
О той, где в детские года
Я палочки срезал;

О той, о русской, о родной,
Где понял в первый раз:
Ни бог, ни царь и не герой
Свободы нам не даст;

О той, что сотни лет жила
С лучиною в светце,
О той, которая была
Вся в огненном кольце.

Я выполнял ее наказ,
И думал я о ней...
Настал, настал суровый час
Для Родины моей;

Настал, настал суровый час
Для Родины моей,—
Молитесь, женщины, за нас —
За ваших сыновей...

4

Мы шли свободу отстоять,
Избавить свет от тьмы.
А долго ль будем воевать,
Не спрашивали мы.

Один был путь у нас — вперед!
И шли мы тем путем.
А сколько нас назад придет,
Не думали о том.

И на земле и на воде
Врага громили мы.
И знамя красное нигде
Не уронили мы.

И враг в заморские края
Бежал за тыщи верст.
И поднялась страна моя
Во весь могучий рост.

Зимой в снегу, весной в цвету
И в ды́мах заводских —
Она бессменно на посту,
На страже прав людских.

Когда фашистская чума
В поход кровавый шла,
Весь мир от рабского ярма
Страна моя спасла.

Она не кланялась врагам,
Не дрогнула в боях.
И пал Берлин к ее ногам,
Поверженный во прах.

Стоит страна большевиков,
Великая страна.
Со всех пяти материков
Звезда ее видна.

Дороги к счастью с ней одной
Открыты до конца,
И к ней — к стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать,—
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

5

...Трансвааль, Трансвааль!..
— Я много знал
Других прекрасных слов,
Но эту песню вспоминал,
Как первую любовь;

Как свет, как отблеск той зари,
Что в юности взошла,
Как голос матери-земли,
Что крылья мне дала.

Трансвааль, Трансвааль! — моя страна,—
В лесу костер ночной...
Опять мне вспомнилась она,
Опять владеет мной.

Я вижу синий небосвод,
Я слышу бой в горах:
Поднялся греческий народ
С оружием в руках.

Идет из плена выручать
Судьбу своей земли,
Идет свободу защищать,
Как мы когда-то шли.

Идут на битву сыновья
С отцами наравне...
«Трансвааль, Трансвааль — страна моя,
Ты вся горишь в огне...»

Пускай у них не те слова
И пусть не тот напев,
Но та же правда в них жива,
Но в сердце — тот же гнев.

И тот же враг, что сжег Трансвааль,—
Извечный враг людской,—
Направил в них огонь и сталь
Безжалостной рукой.

Весь мир, всю землю он готов
Поджечь, поработить,
Чтоб кровь мужей и слезы вдов
В доходы превратить;

Чтоб даже воздух, даже свет
Принадлежал ему...

Но вся земля ответит:

— Нет!

Вовек не быть тому!

И за одним встает другой
Разгиеванный народ,—
На грозный бой, на смертный бой
И стар и млад идет.

И остров Ява, и Китай,
И Греции сыны
Идут за свой родимый край,
За честь своей страны;

За тех, что в лютой кабале,
В неволе тяжкой мрут,
За справедливость иа земле
И за свободный труд.

Ни вражья спесь, ни злая месть
Отважным не страшна.
Народы знают:
Правда есть!
И видят, где она.

Дороги к счастью —
с ней одной
Открыты до конца,

И к ней —
К стране моей родной —
Устремлены сердца.

Ее не сжечь, не задушить,
Не смять, не растоптать.
Она живет и будет жить
И будет побеждать!

Февраль, 1948

ЛЕТЯТ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ...

Летят перелетные птицы
В осенней дали́ голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюся с тобой,
А я остаюся с тобою,
Родная навеки страна!
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая с винтовкой в руке.
И не было горше печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю.

И не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой.

Летят перелетные птицы
Ушедшее лето искать.
Летят они в жаркие страны,
А я не хочу улетать,
А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона!
Не нужно мне солнце чужое,
Чужая земля не нужна.

1948
Внуково

КАКИМ ТЫ БЫЛ, ТАКИМ ОСТАЛСЯ...

Каким ты был, таким остался,
Орел степной, казак лихой...
Зачем ты снова повстречался,
Зачем нарушил мой покой?

Зачем опять в своих утратах
Меня ты хочешь обвинить?
В одном я только виновата,
Что нету сил тебя забыть.

Свою судьбу с твоей судьбою
Пускай связать я не могла,
Но я жила одним тобою,
Я всю войну тебя ждала.

Ждала, когда наступят сроки,
Когда вернешься ты домой,
И горьки мне твои упреки,
Горячий мой, упрямый мой.

Твоя печаль, твоя обида,
Твои тревоги — ни к чему:
Смотри — душа моя открыта,
Тебе открыта одному.

Но ты взглянуть не догадался,
Умчался вдаль, казак лихой...
Каким ты был, таким остался,
А ты и дорог мне такой.

1949

ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА...

**Ой, цветет калина
В поле у ручья.
Парня молодого
Полюбила я.**

**Парня полюбила
На свою беду:
Не могу открыться,
Слóва не найду.**

Он живет — не знает
Ничего о том,
Что одна дивчина
Думает о нем...

У ручья с калины
Облетает цвет,
А любовь девичья
Не проходит, нет.

А любовь девичья
С каждым днем сильней.
Как же мне решиться —
Рассказать о ней?

Я хожу, не смея
Волю дать словам...
Милый мой, хороший,
Догадайся сам!

1949

ВЫЙДИ В ПОЛЕ...

Выйди в поле утренней порою,—
Небо сине, дали широки.
Самолет всплывает над землею,
По земле спешат грузовики.

Зреет жито на колхозных нивах,
Свежим сеном пахнет на лугу.
Дед-пастух коров неторопливых
У реки пасет на берегу.

На листве еще дрожат росинки,
Птичий гам несется из кустов.
И в венке из полевых цветов
Девушка проходит по тропинке.

Складная и легкая такая —
Как виденье юности самой...
Это все — страна моя родная,
Милый край благословенный мой,

Мирный день советского народа,
Озаренный солнцем золотым...
И его мы от любого сброда,
От любого лиха оградим!

1950

ДУБ

Развесистый дуб на холме зеленеет,
Раскинувши ветви широ́ко,
И в землю родную своими корнями
Он входит глубоко-глубоко.

И пусть над вершиной проносятся тучи,
Пусть ветры над ним завывают,—
Он держится крепко за землю родную,
И бури его не сломают.

1933—1951

ДУМА О ЛЕНИНЕ

Когда вырастешь, дочка, отдадут тебя замуж
В деревню большую, в деревню чужую.
Мужики там всё злые — топорами секутся,
А по будням там дождь и по праздникам дождь...

Из старой русской народной песни

В Смоленской губернии, в хате холодной,
Зимою крестьянка меня родила.
И, как это в песне поется народной,
Ни счастья, ни доли мне дать не могла.

Одна была доля — бесплодное поле,
Бесплодное поле да тощая рожь.
Одно было счастье — по будням ненастье,
По будням ненастье, а в праздники — дождь.

Голодный ли вовсе, не очень ли сытый,
Я все-таки рос и годов с десяти
Постиг, что одна мне наука открыта —
Как лапти плести да скотину пасти.

И плел бы я лаптн... И, может быть, скоро
Уже обогнал бы отца своего...
Но был на земле человек, о котором
В ту пору я вовсе не знал ннчего.

Под красиое знамя бойцов собирая,
Все тяготы жизнн позиавший вполне,
Он видел меня из далекого края,
Он видел н думал не раз обо мне.

Он думал о том о бесправном народе,
Кто поздно ложился и рано вставал,
Кто в тяжком труде изнывал на заводе,
Кто жалкую ииву слезой поливал;

Чьи в землю вросли захудалые хаты,
Чьи и́з году в год пустовали дворы;
О том, кто давно на своих супостатов
Точил тоиоры, но молчал до поры.

Он стал и надеждой и правдой России,
И славой ее и счастливой судьбой.
Он вырастил, поднял могучие силы
И сам их повел иа решительиый бой.

И мы, что роди́лись в избе при лучине
И что умнрали на грудах тряпья,—
От Лениииа право на жизнь получили —
Все тысячи тысяч таких же, как я.

Он дал моей песне тот голос певучий,
Что вольно плывет по стране по родной.
Он дал моей ниве тот колос живучий,
Который не вянет ни в стужу, ни в зной.

И где бы я ни был, в какие бы дали
Ни шел я теперь по пути своему,—
И в дни торжества, и в минуты печали
Я сердцем своим обращаюсь к нему.

И в жизни другого мне счастья не надо,—
Я счастья хотел и хочу одного:
Служить до последнего вздоха и взгляда
Живому великому делу его.

1940—1951

ЧЕРЕМУХА

Лиде

Что, друзья, случилося со мною! —
Обломал я всю черемуху весною.

Я носил, таскал ее возами,
А кому носил, вы знаете и сами.

В сумерках спешил я из-за речки,
Целый ворох оставлял я на крылечке;

Я бросал в окошко молчаливо
Белое лесное сказочное диво.

Я хотел, чтоб девушка вниманье
Обратила на мое существованье,

Чтоб она хоть раз да услыхала —
Как душа моя в черемухе вздыхала.

А она, притворная, молчала,
Словно вовсе ничего не замечала;

А она меня не пощадила,—
В пепел все мои надежды превратила.

Да к тому ж, за все мои печали,
На селе меня Черемухой прозвали.

Как иду я — шепчутся девчата:
— Дескать, вон идет Черемуха куда-то;

И поют, конечно, не случайно:
— Отчего, мол, ты, Черемуха, печальна?..

И хожу я со своею болью,
Со своею несказáнною любовью.

Что мне делать, сам не понимаю,
Но сирень я тоже, видно, обломаю.

1951

НА ПРАЗДНИКЕ ОКТЯБРЬСКОЙ ГОДОВЩИНЫ...

На празднике Октябрьской годовщины
Я вспомнил вновь былые времена:
И тусклый свет невысохшей лучины,
И по весне — соха да борона;

И тощие безрадостные нивы,
С которых не получишь ничего,
И чей-то голос в поле сиротливый,
Что ждет-зовет неведомо кого...

Какая ж воля и какая сила
Была, друзья, поистине нужна,
Чтобы такою сделалась Россия,
Какой сегодня сделалась она!

Чтоб на могучем на ее пространстве
Хлеба стеной вставали по весне,
Чтоб не лучина — свет электростанций
В ночном крестьянском вспыхивал окне;

Чтоб на полях моторы не смолкали,
Чтоб зацвели на севере сады
И чтоб моря, как в сказке, возникали
В сухих степях, зачахших без воды...

И мы горды, что это явью стало,
Что ты, Россия, сделалась такой!
Исполнились великие начала,
Начертанные ленинской рукой.

Исполнилась та клятва боевая,
Что дали все мы в памятный тот год,
Когда, слезами землю заливая,
В Москве прощался с Ильичем народ...

Ноябрь, 1951

НАША ПАРТИЯ

Призрак бродит по Европе —
призрак коммунизма.
Из «Манифеста Коммунистической партии»

Честь нашей эпохи и совесть и разум
Она воплотила в себе,
Ей — славной вовеки — народ наш обязан
Своею победой в борьбе.

Она, что поставила благо народа
И правду превыше всего,
Нигде и ни разу за долгие годы
С пути не сошла своего.

Могучая воля ее нерушима,
И неугасим ее свет.
И выше, чем то, что она совершила,
В истории подвига нет.

И пусть не записано это в Уставе,—
Мы знаем, в чем сила ее:
Вложил в нее Ленин, ей Ленин оставил
Великое сердце свое.

И нас вдохновляя своими делами
На подвиг, на доблестный труд,
Всегда и повсюду была она с нами —
Наставник, защитник и друг.

Мы с именем партии горы сдвигали,
В ней черпая силу свою,
А коль приходилось встречаться с врагами,
Мы насмерть стояли в бою.

И мы никому не сдадимся на милость,
Любые преграды сметем! —
Под знаменем партии — что б ни случилось —
До цели заветной дойдем!

Та цель недалёко. И срок уже близок.
И путь наш — вперед и вперед.
И бродит уже по Европе не призрак,
А явь коммунизма встает!

1 октября 1952

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Я снова думал, в памяти храня
Страницы жизни своего народа,
Что мир не знал еще такого дня,
Как этот день — семнадцатого года.

Он был и есть начало всех начал,
И мы тому свидетели живые,
Что в этот день народ наш повстречал
Судьбу свою великую впервые;

Впервые люди силу обрели
И разогнули спины трудовые,
И бывший раб хозяином земли
Стал в этот день за все века впервые;

И в первый раз, развеяв злой туман,
На безграничной необъятной шири
Взошла звезда рабочих и крестьян —
Пока еще единственная в мире...

Все, что сбылось иль, может, не сбылось,
Но сбудется, исполнится, настанет!
Все в этот день октябрьский началось
Под гром боев народного восстанья.

И пусть он шел в пороховом дыму,
Он — самый светлый, самый незабвенный,
Он — праздник наш. И равного ему
И нет и не было во всей вселенной.

Сияет нам его высокий свет —
Свет мира, созидания и братства.
И никогда он не погаснет, нет,
Он только ярче будет разгораться!

1956

Я В ЖИЗНИ ВСЕМ ТЕБЕ ОБЯЗАН

Нашей Партии

Я в жизни всем тебе обязан,
Мне без тебя дороги нет.
И я навек с тобою связан
С далеких юношеских лет.

И там еще, под отчей крышей,
И знал и сердцем чуял я,
Что не бывает цели выше,
Чем цель высокая твоя.

Ты — ум и правда всех народов,
Заря, взошедшая во мгле;
И мир, и счастье, и свободу
Ты утверждаешь на земле.

И этот путь свой необычный
С тобой лишь мог пройти народ —
Путь от лучины горемычной
И до космических высот.

И не мечта уже, не призрак
Маячит нам во мгле глухой,—
Живое пламя коммунизма
Зажгли мы собственной рукой;

Зажгли огонь неугасимый
На благо всех людей труда.
И затемнить его не в силах
Уже никто и никогда.

И я, твой сын, и горд и счастлив,
И благодарен я тебе,
Что хоть немного, но причастен
К твоим делам, к твоей судьбе.

1961

В ДНИ ОСЕНИ

А. И. Исаковской

Не жаркие, не летние,
Встают из-за реки
Осенние, последние,
Останние деньки.

Еще и солнце радует,
И синий воздух чист.
Но падает и падает
С деревьев мертвый лист.

Еще рябины алые
Все ждут к себе девчат.
Но гуси запоздалые
«Прости-прощай!» кричат.

Еще нигде не вьюжится,
И всходы — зелены.
Но все пруды и лужицы
Уже застеклены.

И рощи запустелые
Мне глухо шепчут вслед,
Что скоро мухи белые
Закроют белый свет...

Нет, я не огорчаюся,
Напрасно не скорблю,
Я лишь хожу прощаюся
Со всем, что так люблю!

Хожу, как в годы ранние,—
Хожу, брожу, смотрю.
Но только «до свидания!»
Уже не говорю...

Осень, 1967

Внуково

101-й ГОД…

В столичном шуме и в тиши селений
Я слышал — люди часто говорят:
«Ах, если б мог он, если встал бы Ленин,
Как был бы он успехам нашим рад!»

Да, был бы рад… Но и в часы раздумий,
В часы труда иль дружеских бесед
Не повторяйте, будто Ленин умер:
Я точно знаю — он не умер, нет!

Мне мой отец рассказывал, бывало,
Что коль пришла такая череда,
Что тот, кто умер, что кого не стало,—
Тому идти перестают года.

А Ленин — жив! Душа и ум народа,
Он, как народ, вовеки не умрет:
Как раз в апреле нынешнего года
Ему пошел уже сто первый год!

И где б кто ни был — в поле иль в забое,
На Ангаре на берегу крутом,—
Мы всюду с ним. Но горько мне до боли,
Что сам Ильич не может знать о том.

1970

ЛИРИКА НАРОДНЫХ ЧУВСТВ

Когда во всем окружающем назревают большие перемены и в самом воздухе как бы уже носятся голоса новой жизни, у художника есть великое право заговорить на языке резко необычных образов, необычных ритмов, «сломать» привычное и прямо, откровенно обратиться к поиску новизны, сделать новое, небывалое своим паролем.

Но есть и другое право — заговорить о новом на языке отцов. Ничего не ломать специально, не выступать с манифестами о ликвидации языка классиков, не делать заявлений об устарелости, безголосости или картавости ямбов и хореев. Тем же словом, на котором говорилось о горе народном, тем же стихом, который передал столько воплей и мучительных стонов, который был отзвуком стольких загубленных жизней, стольких печальных, тоскливых безысходных напевов,— на том же языке, тем же стихом заговорить о новом, необыкновенном.

Одним из замечательных советских поэтов, с самых первых шагов в литературе совершенно сознательно продолживших традиции русской поэтической классики, явился Михаил Васильевич Исаковский. Он показал, что говорить на «том же языке» в искусстве поэзии — задача не только сложная, но и подлинно новаторская.

Первым произведением М. Исаковского, получившим широкое признание в стране, было «Вдоль деревни». Автор написал его еще в 1925 году, но услышал свое стихотворение песней году в 1934-м

или в 1935-м. Два года спустя стали известны «Прощанье» («Дан приказ: ему — на запад...»), а вскоре за ним и «Катюша», впоследствии облетевшая всю планету. Рядом с этими произведениями можно поставить десятки других. Все они вместе дают полное представление о начале и предвоенных годах поэтического пути М. Исаковского.

Казалось бы, стихотворение-песня «Вдоль деревни» — обычный отклик на самые актуальные события, которые на рубеже 20—30-х годов происходили в селах, где начиналась электрификация всей страны, та самая, которая, по мысли Владимира Ильича Ленина, в единстве с Советской властью и даст в своем развитии коммунизм. М. Исаковский не зарифмовывает знаменитой ленинской формулировки. То, о чем он написал, подсказано ему его собственной жизнью.

Поэт родился в деревне на Смоленщине 7 (19) января 1900 года в бедной крестьянской семье. Темнота, отсталость, горькая доля были уделом не только односельчан Исаковых (такова подлинная фамилия родителей поэта), но и миллионов «голи перекатной», как называли себя сами крестьяне. И всем им дорогу к свету открыл Великий Октябрь. К свету — в переносном, самом широком смысле слова. И в буквальном: именно после Октября «лампочки Ильича» появились в российских селах.

Школьником, юношей М. Исаковский писал стихи, в которых уже была налицо его связь с тем направлением русской поэзии, которую можно обозначить именами Некрасова и поэтов-некрасовцев («Просьба солдата», «Все исчезло, скрылось...»). В обобщающем смысле родство с ними поэзия М. Исаковского сохранит и в последующие годы. Но писать он будет по-другому. Впервые по-насто-

ящему сильно это «другое» проступает как раз в стихотворении «Вдоль деревни».

Можно сказать о не совсем обычном стихотворном размере этого произведения (шестистопный хорей), заметить, что оно написано двустишиями, но все это не передаст главного, чем захватывает стихотворение. Чувство удивления перед происходящим («Нам такое не встречалось и во сне: чтобы солнце загоралось на сосне, чтобы радость подружилась с мужиком, чтоб у каждого — звезда под потолком») поэт выразил не только горячо, но ярко и по-праздничному хороводно. Все в стихотворении находится в гудении, в движении, в настоящей динамике: избы, столбы, провода. Чувство — на подъеме, на взлете, и выражается оно сразу, в первых же строках стихотворения. В хоровод на земле вовлечена и сама природа, притом и вечная природа (небо, ветер), и созданная руками человека (огонь, но не просто огонь):

> «Небо льется, ветер бьется все больней,
> А в деревне — частоколы из огней...»

«Частоколы» — вещь для деревенского жителя обычная, но «частоколы из огней»? Нет, такого в деревне действительно «не видали никогда».

И очень важно, что вся эта энергия, вся эта радость, подчеркнутая необычными, хотя и взятыми из житейской прозы, образами («торопливые столбы», «звезда под потолком», те же «частоколы из огней»), выражены в стихотворении с огромной искренностью.

Искренность, сердечность навсегда останутся характерной чертой поэзии М. Исаковского. Люди высоко оценят эту ее особенность.

В стихотворении-песне «Прощанье» говорится о защите Советской Родины. Тема произведения — самая серьезная. И неудивительно, что песня стала спутником всей нашей жизни, в том числе и очень высоких, торжественных часов в ней. Но «Прощанье» живет и совсем в другой обстановке. Оно нужно и какому-нибудь кружку друзей, и просто там, где люди собрались посумерничать и тихонько запели. В песне, конечно, есть металл («Дан приказ: ему — на запад, ей — в другую сторону...»), есть ощущение того, о чем в воинских уставах говорится: приказы не обсуждают. Но есть и любовь, и ее больше. Любовь и металл. Всем своим строем стихотворение-песня доносит до сердца нечто очень человечное, но неотъемлемое от необходимости, от долга, которые не мешают «ему» и «ей» оставаться настоящими людьми, с живыми, хрупкими, очень нежными человеческими чувствами. И не только не мешают, а способствуют. «Самообладание, самодисциплина — не рабство,— говорил В. И. Ленин,— они необходимы и в любви».

Немногими средствами, самым скромным, но очень искусным отбором слов, их тонким, безошибочным «складом» поэт добивается изумительного художественного эффекта: по существу, он создает новую лирику, ненавязчиво, без специальных заявлений и деклараций раскрывает духовный мир нового человека.

С самого начала работа М. Исаковского шла «многопольно»: он писал стихи-песни, стихи-призывы (правда, очень редко), иронические или бытовые, окрашенные теплой улыбкой стихотворные зарисовки, стихи-фельетоны. Иногда прибегал и к жанру «былей», которые еще точнее можно было бы назвать современной балладой. Наиболее

значительная среди них — «„Докладная записка" (Деревенская быль)», занимающая и сейчас свое место в обширной поэтической Ленининане.

Многожанровость лирики Исаковского отражала богатство интересов молодого поэта, его несуетный, но активный общественный темперамент.

Бурные преобразования в деревне порождали новое на каждом шагу — в социальной, культурной, нравственной и чисто психологической сферах. И едва ли какое-нибудь из подобных явлений не становилось предметом наблюдательности, товарищеской критики, дружеского замечания молодого поэта. Доброта к людям, искреннее желание успеха им, готовность оказать помощь и широта сердца проявились уже в тех ранних произведениях, тем более в упоминавшихся песнях.

Сердцевиной самых разных стихотворений М. Исаковского является юмор, как правило, мягкий, чрезвычайно сочувствующий людям, их нелегкой жизни и их стремлению быть лучше. Думается, именно из этого источника шла по внешности неброская, негромкая, но в действительности могучая сила поэзии М. Исаковского. В годы, когда об этой силе многие еще и не догадывались, стихи М. Исаковского проницательно оценил Горький.

Перед началом Великой Отечественной войны М. Исаковский — уже известный поэт; произведения, созданные им, знает вся страна.

В годы войны в его стихи со всей решительностью и силой врывается «ветер железного мщенья». Самыми названиями стихотворений поэт четко определяет их тему и их суровую интонацию — «Отцовский дом разграблен и разрушен...», «Мстители», «Одна дорога есть у нас». Вчитываясь в стихотворения, видишь и их особый для Исаковского

жанр. Первое стихотворение — исповедь поэта, который страстно хочет «поговорить по-своему с врагом», но из-за инвалидности не может стать в строй солдат своей Родины. Эта исповедь — горячая, искренняя — выливается в большое гражданское слово поэта. Его «сердце — без остатка — там», на фронте. Оно слыхало первые удары «стального грома вражьих батарей», оно впитало в себя «боль и стоны» сожженных на костре. Вот что породило в нем железное «слово мести», которое поэт поднимает над миром:

«И я, как знамя, поднял это слово,
Живое слово сердца моего.
И я зову, чтоб в дни борьбы суровой
Никто из нас не забывал его...»

Поэт хочет, чтобы его жгучее, непреклонное слово вело людей в бой. Сохраняя свои характерные особенности — простоту слога, близость к фольклорным выражениям, классические размеры и т. д.,— Исаковский вместе с тем делает шаг в сторону создания ораторского стиха с его призывными, трибунными интонациями.

Ораторская, боевая интонация еще сильнее выражена в стихотворении «Мстители». Это стихотворение воспринимается как речь партизана, обращенная к товарищам, речь страстная, сильная, гневная. Герой стихотворения видел злодеяния врагов своими глазами, и он поклялся сурово и жестоко отомстить им. Обо всем этом никак не рассказать обычными, тем более будничными словами, поэтому речь стиха насыщается средствами, усиливающими призывный, ораторский характер произ-

ведения. Само строение стиха становится предельно анафорическим.

Особенно сильно ударные интонации проявились в стихотворении «Одна дорога есть у нас». Той же силой и пафосом пронизаны стихотворения «Наказ сыну», «Зима», «Мы шли...», «Старик», «1943-й год».

Такие стихи явно расширяют наше представление о возможностях поэзии Исаковского. Она, как видим, совсем не исчерпывается мягкой задушевной лирикой. Она может звучать и сильно, и громко.

Думается, эти стихи помогают более четко представить и «поэтическую родню» их автора. Ориентацией на классический стиль, задушевностью интонаций, вниманием к оборотам народной речи, к чувствам миллионов тружеников Исаковский безусловно близок Некрасову. Но он близок и поэту, который явился преемником гражданских некрасовских традиций в революционные годы,— к Маяковскому. Речь идет, понятно, не о «свободном стихе», не об особенностях рифм. К поэту Октября Исаковский более всего близок созданием лирического героя, говорящего от лица многомиллионного народа, а также стремлением к демократизации поэтического языка на основе усвоения самых различных элементов разговорной речи, в том числе и таких, которые вошли в нее в годы войны.

Развивалось мастерство поэта и в работе над теми стихами, которые он сам называет песенными. Жанр «песенных стихов», то есть стихов, которые «уже стали или могут стать песнями», представленный у Исаковского в начале войны известной клятвенной «До свиданья, города и хаты...», затем

получил в его творчестве иное направление, по преимуществу лирико-психологическое.

Стихотворения-песни Исаковского весьма разнообразны: одни из них отчетливо связаны с темами войны, с ее тревогами, с обострившимся чувством любви к Родине («В прифронтовом лесу», «Ой, туманы мои...», «Где ж вы, где ж вы, очи карие?»), другие — с миром любви и молодости, получившим в поэзии Исаковского исключительно сильное выражение («Лучше нету того цвету...», «Услышь меня, хорошая...» и непосредственно связанные с ними «Морячка», «Что за славные ребята...» и «На горе — белым-бела...», написанные в 1940 году, но получившие известность как раз в годы войны).

Именно эти произведения — понятно, вместе с другими песенными стихами Исаковского — стали спутниками миллионов людей и во время войны и в мирной жизни. Внимательно всмотреться в них — значит понять нечто важное не только в творчестве самого Исаковского, но и в значительной степени в советской поэзии в целом, в самом духе ее народности.

Песенные стихи поэта, хотя и по-другому, связаны с теми же поэтическими традициями, что и его призывные стихи («Наказ сыну», «Мстители» и т. д.). Всем своим идейно-художественным строем они утверждают: сила поэзии, правда ее образов — в умении собрать мысли и чувства людей вокруг самого важного, самого дорогого и тем пробудить в них новые силы, новую жажду жизни, новую волю к борьбе за нее.

Сколько бы раз ни читал или ни слушал стихотворение Исаковского «В прифронтовом лесу», всегда видишь одну и ту же картину, которая захватывает единственным по своей силе чувством

товарищества, чувством фронтового братства, живущего едиными мыслями.

Вот это переживание одних и тех же чувств большим армейским братством, не толпой, а именно братством, в котором «и каждый слушал и молчал о чем-то дорогом», «и каждый думал о своем»,— самое удивительное в произведении Исаковского.

Едва ли автор специально ставил перед собой задачу передать чувства коллектива (то есть дать образ, который давно стал большим завоеванием советской литературы, и в частности поэзии) и вместе с тем выразить мысль, что этот коллектив не просто масса, а что он состоит из человеческих личностей (подобное как раз довольно часто не удавалось поэтам). Но именно такую трудную задачу и выполнил Исаковский. Он оказался способным выразить самые главные чувства своего времени — готовность человека на любые жертвы во имя Родины.

И все это, так же как и мысль о смерти в бою «за все, чем жили мы вчера, за все, что завтра ждем», выражено у поэта единственными по своей реалистической достоверности словами. Скромные, нехвастливые, но — веришь — очень надежные, очень любящие свой народ и своих близких люди, герои Исаковского надеются на лучшее («Пусть свет и радость прежних встреч нам светят в трудный час»), но не отворачиваются и от самого страшного. Однако говорят о нем не только без особых, устрашающих слов, но и вроде бы с шуткой, за которой видна настоящая человеческая сила и бесконечная душевная щедрость:

«А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз».

Всю лирику Исаковского можно назвать песней о Родине. Поэт живописует ее в десятках произведений. И всегда она выступает у него в богатстве простых, житейских, но с большим чувством схваченных деталей.

В годы войны М. Исаковский написал одно из своих лучших произведений — стихотворение «Русской женщине», создав в нем обобщенный образ подруги советского воина, великой труженицы нашего тыла, на плечи которой в годы войны легла действительно огромная тяжесть.

По своим жанровым признакам стихотворение «Русской женщине» — ода, непосредственно примыкающая к целому ряду подобных произведений конца войны. Но ода Исаковского — явление новое. В ней совершенно нет помпезности. Сами восклицания, начиная с первой строки («... Да разве об этом расскажешь — в какие ты годы жила!»), не имеют ничего общего с риторикой. Они — как вздох человека, действительно много думавшего над тем, «какая безмерная тяжесть на женские плечи легла!..».

Сказав такие, берущие за душу, слова о р у с с к о й ж е н щ и н е, Исаковский не мог не сказать такого же слова о р у с с к о м с о л д а т е. И он его произнес, написав стихотворение «Враги сожгли родную хату...» — одно из самых значительных своих произведений.

М. Исаковский любит жизнь и с удивительной тонкостью владеет светлыми красками. Но он пишет и иными. Он видит гордо шагающего по родной земле человека, которого везде ждут и который везде нужен. Но поэт чуток и к человеку, когда ему некуда пойти и негде выплакать свое горе. Он счел бы недостойным для себя изображать только

«зеленые сады» и не останавливать взгляда «на сером камне гробовом». Он с радостью писал о своем герое:

«Ты по стране идешь. И все свои дороги
Перед тобой раскрыла мать-земля...»

Но он думал и о трагических судьбах, о судьбе того же русского солдата, у которого «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью», думал о самом простом, самом естественном в таких обстоятельствах:

«Куда ж теперь идти солдату,
Куда нести печаль свою?»

М. Исаковский писал и о радости, и о горе, и о цвете весны, и о могильной траве на бугорке, над которым солдат с болью в сердце говорит своей Прасковье: «Я шел к тебе четыре года, я три державы покорил...» И вот почему ему, солдату, так больно. Всю войну он хотел «выпить за здоровье, а должен пить за упокой». Поэт сказал о «слезе несбывшихся надежд», и не удивительно: ту же самую слезу в те дни можно было увидеть в каждой советской семье. Эта слеза жжет наши сердца и сегодня.

О цене победы, которую наш народ оплатил жизнями своих лучших сынов и дочерей, о цене мира, которым дышит земля, думаешь сегодня, читая это горькое и такое глубокое стихотворение М. Исаковского.

В творчестве такого поэта тема мира, тема интернациональной дружбы, естественно, должна была занять одно из ведущих мест.

В послевосииой поэзин М. Исаковского так и случилось.

«Трансвааль, Трансвааль — страна моя, ты вся горишь в огне». Таким эпиграфом начниается его известная «Песня о Роднне». Исаковскнй вспоминает, как повторял этн строкн в детстве, как оин волнующе звучали в годы гражданской войны. Перекличка с юиостью оказывается для поэта перекличкой с самыми святымн чувствами всей его жизнн:

«Я пел свой гнев, свою печаль
Словамн песнн той,
Я повторял:
— Трансвааль, Траисвааль! —
Но думал о другой...»

Поэт думал о России, о ее нелегкой судьбе, о суровом путн страны, к которой сегодия «со всех пяти материков» «устремлены сердца».

Поэт-патриот, которому блнзки горе н радость трудящихся всего мира, видит: с оружием в руках поднялись сыны порабощенных народов. И он попрежиему слышит: «Трансвааль, Трансвааль!» Бой ндет за самое святое:

«За справедливость на земле
И за свободный труд».

Еще в пору войны М. Исаковский иаписал стихотворсние «Есть во Всходском районе...», в котором рассказал о начале работ по восстановлению мириой жизни в родном краю. Для выражеиия радости созидательного труда, душевной шири рабо-

тающих людей поэт нашел простое, но очень емкое и звучное слово.

Гордость за свою Родину и ее великий народ продиктовала М. Исаковскому в послевоенные годы такие стихотворения, как «Дума о Ленине», «Пионерский лагерь на Смоленщине», «В поле», «Летят перелетные птицы...». Последнее стихотворение родилось как результат давно выношенных и зрелых размышлений о Родине:

«Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.
Желанья свои и надежды
Связал я навеки с тобой —
С твоею суровой и ясной,
С твоею завидной судьбой».

Лирика М. Исаковского — лирика народных чувств. Настоящий поэт всегда хочет говорить только о том, что он знает лучше всех, и так, как он хочет. М. Исаковский поступает точно так же. Но всегда получается, что лучше всех он знает такое, что таится в душе миллионов, и его желание говорить так, как он хочет, оказывается родственным тому, как хотели бы высказать свои чувства сотни и тысячи. Именно в этом его своеобразие, его редкая индивидуальность. И трудно сказать, чего она касается больше — формы или содержания его стихов. Притом самых различных: и таких пронзительно-грустных, как «Только клен...», и таких, как «В дорогу!» — полных большой, всенародной заботы о деревне, о необходимости помнить, что мы ей нужны не как гости, а как хозяева.

В послевоенных произведениях поэт все чаще возвращается к основным темам своего творчества, давая теперь им наиболее глубокое решение.

Поэзии М. Исаковского присуща не только легкость стиха и естественность напева. Она отличается также выразительностью ритмики, меткостью и нередко смелостью речи, емкостью образов. Потому за многими стихотворениями поэта стоит целая повесть человеческой жизни.

Поэт избегает исключительного. Его образ, оставаясь конкретным, вместе с тем очень емок, он способен восприниматься каждым по-своему, применительно к своей жизни. Пожалуй, чаще всего средством создания такого емкого образа и даже средством, композиционно организующим стихотворение, выступают у него олицетворение (стихотворение «Детство») или метонимия («Мы с тобою не дружили...»).

Исаковский пишет и словами, сплетенными из лунного луча теплой месячной ночи («Лучше нету того цвету...»), и отдающимися в сердце, как удары медленного могильного заступа («Враги сожгли родную хату...»), и несущими гул дружной работы, как те топоры на стройке и срубленные ими сосновые хаты, о которых поэт говорит, что они «словно колокол медный звучат» («Есть во Всходском районе...»).

Отличаясь глубиной мысли и чувства, дорожа точностью в передаче целого и деталей, реализм М. Исаковского отнюдь не исчерпывается правдоподобием. Он не чуждается и крупным планом поданных образов, способных раскрывать те или иные стороны жизни с такой полнотой и выразительностью, которые под силу только большому искусству. Образная структура только что названных

стихотворений является в этом смысле очень показательной.

Гейне как-то заметил об одном поэте, что он может написать все, только не песню. Притом Гейне понимал значительность поэта (речь шла о Фрейлиграте), он только подчеркивал, что строй его стиха имеет большею частью риторический характер. Песня между тем виделась великому немецкому поэту критерием органичности поэтического таланта, и в этом смысле, с его точки зрения, с нею всегда соприкасается настоящее поэтическое произведение, даже внешне совсем иное, чем песня, но принимающее, как говорил Гейне, самый широкий ритм.

Эти слова Гейне невольно вспоминаются, когда думаешь о М. Исаковском. Он стал автором произведений, которые поют миллионы, не потому, что изо всех сил проталкивался в круг поэтов-песенников со стихами под названием «песни», а потому, что в его даровании глубоко заложена близость к самому органическому в поэзии.

Редко у кого встретишь такую простоту письма, за которой, однако, угадываются большие и истинно человеческие чувства, как, например, в стихотворении М. Исаковского «Опять печалится над лугом...», в котором поведано о юности, прошедшей под синеватым ситцем небес Средней России:

«Прошла моя незолотая,
Моя незвонкая прошла.
И пусть она была такая,—
Она такая мне мила».

Ну, не бедность ли в самом деле: «И пусть она была такая,— она такая мне мила»?! И все-

таки, конечно же, нет. В этой тонко рассчитанной «бедности» и простоте определений — бездна любви, бездна верности. Такая неброскость может быть порождена только талантом.

Талант — редкость. Редкость и та простота, которую мы видим в лучших произведениях замечательного поэта. Она не только трудна, но сплошь и рядом вообще недостижима. Не случайно подражать М. Исаковскому, как, впрочем, и всякому подлинно талантливому поэту, невозможно.

В этом убеждаешься, читая и совсем недавние стихотворения («С прежним другом я свиделся...», «Подражание старинной песне») и среди них, может быть, одно из самых совершенных лирических раздумий поэта «В дни осени».

Мы часто говорим: такое-то «произведение прошло проверку временем». Но что это означает в самой жизни? Практически, в самом ежедневье это означает прежде всего бытование произведений поэта в разной художественной среде, соприкосновение их с самыми разными стихами и песнями, в том числе и самыми новейшими, как бы соревнование с ними.

И выдерживают такое соревнование далеко не все произведения. Почему? Да потому, что, как известно, «новое время — новые песни». И, следовательно, чтобы старым песням активно жить и в новое время, им надо обладать такими глубокими качествами, которые связаны с наиболее устойчивыми особенностями людей и еще лучше — с развивающимися, самыми перспективными.

В высшей степени такими качествами обладают великие народные песни. Тайна воздействия их на человеческие сердца никогда не может быть раскрыта до конца. Иногда кажется — мы все о них

знаем, но вот приходят новые времена, новые исторические события, и давно известиые песни обнаруживают свои новые возможности. В них всегда остается резерв художествеиной снлы, которая проявляется с раскрытием душевных снл самого человека.

Сродни им стихи и песии Михаила Исаковского. Они пришли в нашу жизнь в немалой степеии на смену стихам н песиям, рожденным гражданской войной п первыми годами Советской власти. Они выражали потребиость людей в новых поэтическнх произведениях. С ними людн жили в 30-е годы, потом — в годы войны, затем — в послевоенные годы.

Целые периоды в жизнн страны связаиы со стихамн-песнями М. Исаковского.

Примерио в половине 50-х годов мы явственно ощутилн появленне иового периода в жизнн страны. Отчетливо заявили о себе новые писатели, поэты. Родилнсь и новые песни, сначала немногие, со слабыми признаками иовизны, и вот уже — многне. А песни Исаковского, а стнхи Исаковского живут, н теперь уже можно сказать: жить они будут долго.

А. Абрамов

СОДЕРЖАНИЕ

Для старшего возраста

Михаил Васильевич Исаковский

ЛИРИКА

Ответствеиный редактор
Е. М. Подкопаева
Художествеиный редактор
В. А. Горячева
Технический редактор
В. К. Егорова
Корректор
Л. А. Рогова

Сдано в набор 28/V 1973 г. Подписано к печати 8/II 1974 г. Формат $60 \times 90^1/_{32}$. Бум. типогр. № 1. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 5,29. Тираж 50 000 экз. А03667. Зак. № 755.
Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красиого Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Сортавальская киижная типография Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Совета Министров КАССР. Сортавала, Карельская, 42

Исаковский М. В.

И 85 Лирика. Рис. А. Парамонова. М., «Дет. лит.», 1974.

190 с. с ил. (Поэтическая б-ка школьника)

Избранные стихи известного советского поэта. Статья А. Абрамова.

Р2

